

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

***ЛЮБИМЫЙ
ВРАГ***

Повесть

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К 60

Колесова Наталья Валенидовна

Любимый враг : повесть / Наталья Колесова ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное
учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В.
Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 72 с. : ил., портр.

©Наталья Колесова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в г. Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета в 1989 г. Работала корреспондентом районной газеты "Красное знамя" Промышленновского района, инженером в "Запсибремонте", инженером на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. В КЛФ "Контакт" пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть "Голубая пантера" – в газете "Новокузнецк без политики" в июле-сентябре 1996 г.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». В 2009 году вышел роман «Прогулки по крышам», в 2011 – роман «На хвосте удачи».

Бой закончился. Я отодвинула щиток шлема; оттопырив нижнюю губу, сдула прилипшую ко лбу чёлку. Оглядела группу захвата. Трое Бойцовых Псов охраняли ближайшие ответвления коридора. Ещё двое присматривали за пленными гаятами, молча стоявшими у противоположной стены. Никаких знаков отличия, но, судя по ожесточённости, с которой они защищали базу, здесь командовал кто-то с железной волей.

– Мастер-инструктор?

Я поправила шлемофон.

– Слушаю.

– Докладывает Щенок Харта. Десант склады зачистил. Скоро будет у вас.

– Принято, – сказала я и посмотрела на пленных. Времени оставалось мало. Основную информацию они успели уничтожить, но, может, где-то что-то проглядели...

– Сергей, Фокс – обыск, быстро!

– Что обычно?

– Да, кассеты, диски, шифры...

Я сдвинулась – чтобы видеть пленных – и чтобы пленные видели меня. Изумительная пара, и не поймешь, кто их них имеет лучший нюх – рыжий Фокс или сутуловатый длинный Сергей – но если что-то осталось, это “что-то” они обязательно найдут. Не дарить же всё десантуре.

Тайна широко, с поскуливанием, зевнула и со значением поглядела на меня. Секунд через десять я услышала тоже и крикнула:

– Псы, подайте голос, чтобы нас с перепугу не перестреляли!

Мощный бас Блэка эхом разнёсся по коридорам.

– Мастер-инструктор! – Сергей протянул мне печатку-перстень. Импульсный ключ-код, замаскированный под драгоценный камень, подмигнул нам красным глазом. Засовывая его в карман, я обернулась навстречу приближавшемуся грохоту.

– А вот и наши герои! Сержант...

Шедший впереди десантник махнул ладонью где-то на уровне плеча: что-то среднее между отданием чести и раздражённо-нетерпеливой отмашкой.

– Опять вы здесь!

Заглянул в командный пункт, оглядел разбитую аппаратуру.

– Всё оцепить, всё обыскать... – он сверху с отвращением взглянул на меня. – Или уже обыскали?

Я скромно пожала плечами.

– Может, вам больше повезёт...

Бойцовые Псы без слов сдали позиции и подтянулись ко мне, с любопытством поглядывая на разгром, учиняемый десантом: взламывание сейфов, потрошение ящиков, обыск пленных. Особой вежливостью этот процесс не отличался, и у одного из гаятов сдали нервы – он развернулся и заехал солдату в челюсть. Ответ был молниеносным и неизбежным – выстрел в упор.

– Д-дьявол! – сержант ринулся к ним, я – следом, кто-то из пленных – тоже, остальные наоборот шарахнулись в стороны, псы раздражённо зарывкали, кто-то заорал: ”Назад! Назад, твою мать, к стене!”, загремели затворы... В общем, обычный дурдом.

Пленный был ещё жив: он корчился на полу, всхлипывая или вздыхая, и силился поднять голову, чтобы посмотреть – что же там такое у него творится в развороченной выстрелом груди. Я свалилась на колени рядом с успевшим чуть раньше гаятом, услышала его хриплое: “Подонки! Это же мальчишка!”. Рывкнула:

– Заткнись! Держи голову! Врач есть?

– В складе.

Я глянула вверх, на переминавшегося рядом дэса.

– Ты... мазила. Давай сюда свой кулак. Ну! Дави вот здесь. Отпустишь – убью. Серый, где... Ага, вот. Дави, тебе говорят! Мясник чёртов, убить – и то не можешь!

– Мастер...

– Вижу, Серый, вижу... Сержант, убери ты от нас своих головорезов! Сгони их к той стене, что ли... а ты куда? Сиди! Дави!

Гаят, оскалившись, смотрел в лицо раненого.

– Он умирает?

– А ты думал... – пробормотала я. Под пальцами было горячо, скользко и больно. Бойцовые Псы сомкнулись вокруг нас. Я чувствовала их тепло и силу и...

Начали, сказала я.

...Я разжала веки. Сгорбившийся над раненым гаят смотрел на меня, не мигая, правым здоровым глазом. Левая половина лица разбита, и второй глаз просто не открывался. Здорово его приложили...

– Что уставился? – отсутствующе спросила я. – Эй, вояка, можешь опустить!

Десантник завозился, убрал кулак, потёр запястье, потряс онемевшей рукой. Заметил удивленно:

– Эй! А кровь-то не идет! Сдох?

– Ну да, тебе на радость, – проворчала я. Села поудобнее, опершись о колено. – Серый, поработай с аптечкой. Сержант! Советую вплотную заняться стрелковой подготовкой.

– Не сомневайтесь, – буркнул тот. – Всё, ведите их к выходу!

– Эй-эй-эй! – я развернулась на полу. – Это наши пленные! Мы их взяли!

– Ну да, конечно! Мы, значит, костями ложись, а вы приходите и снимаете сливки!

– Начнём с того, что без Псов вы эту базу хрен бы обнаружили. И командный пункт опять же взяли мы. Почти без потерь, заметьте! Улов наш, сержант. Так что, Псы, – ведите их.

– Мы благодарны вам, мастер... – негромко сказала гаят. Я сняла шлем, провела ладонью по мокрым стриженным волосам.

– Просто у наших с вами мальчишек сдали нервы.

Попыталась привстать на одно колено – справа меня подпёр твёрдый бок Волка, слева, чуть замешкавшись, подхватил гаят. Поднялась, проморгалась, переживая головокружение. Парень крепко поддерживал мой локоть. Хоть этому я была выше плеча, ужасно надоело задирать голову... Он смотрел на меня с очень странным выражением.

– Мастер... э-э-э... мэм?

Чего он так озадачился? А, у гаятов женщин в армию, кажется, не берут...

– Можешь называть меня просто, – посоветовала я. – Мастер-инструктор Бойцовых Псов. Да, доктор, теперь пациент ваш. Слышу-слышу, Волчара, догоню! Как ваше имя?

– Можете называть меня просто, – ровно отозвался он. – Пленный.

– Так. Ну что ж, пленный. У меня просьба. Мне сейчас трудно передвигаться без посторонней помощи...

Гаят моргнул.

– Я... что с вами? Вы ранены?

– Лечение всегда отнимает много сил, – пояснила я. – Не хочется путаться под ногами у десанта. Затопчут, чего доброго.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

– Может, вас понести?

– Всю жизнь мечтала, – пробормотала я. – Знаете, я тяжёлая, хоть и компактно выгляжу. Да и представьте себе снимок во всех завтрашних новостях: гаят буквально носит на руках Пса, взявшего его в плен!

Угол его рта дернулся.

– Тогда – вашу руку, мастер-инструктор...

Мы ковыляли вдоль стеночки. В деловитой суматохе базы мало кто обращал на нас внимание, хотя посмотреть было на что – слепой ведёт хромого... Так что гаят мог в любой момент бросить меня и нырнуть в любую дверь или проход. Странно, что это не пришло ему в голову. Что-то я сдаю, думала я, Мастер мне голову оторвёт и будет прав – случись ещё какая заварушка, на кого бы я бросила Щенят...

Они явно считывали мысли. Первым вылетел пыхтящий Зак, заплясал вокруг, нетерпеливо поскуливая и толкая меня носом. Знаю-знаю, волновались...

– Мэгги, – сказал Мастер. – Мэг, ты в порядке?

– Я не ранена. Это не моя кровь. Мастер, я виновата.

– Иди сюда, – он вырвал меня из рук гаята, кивнул Заку – проводи – и понёс к вездеходу.

– Как голова?

Я с отвращением ткнула пальцем в кучу деликатесов на прикроватной тумбочке.

– Тащат с самого утра. Сок, фрукты, шоколад. Уверяют, жутко полезно. У меня уже живот, как мяч.

– Я спрашивал про голову, – напомнил Мастер. Я вздохнула.

– И она – тоже. Только судный.

Мастер уже снимал с руки браслет.

– Ложись.

– Мастер...

– Ложись, я сказал.

Я покорно стянула майку и улеглась на живот. Мастер сел, сдвинув меня бедром к стене. Положил на плечи прохладные ладони – они быстро теплели, покалывая кожу иголочками. Одновременно успокаивающие и будоражащие прикосновения...

– Не вздумай меня лечить, Мастер, – сказала я в подушку. – А то я тебя знаю.

– Даже и не собирался. Сделаю массаж, поспишь и к вечеру будешь как новенькая.

– Где нагоняй?

– Не будет тебе нагоняя. Псы всё рассказали. Пацан жив, в госпитале. Красавчик, с которым ты обнималась, в тюремном блоке.

– Красавчик? – с интересом спросила я, повернув голову.

– Красавчик-красавчик, сама выбирала... Лежи смирно.

Я послушно замерла, искоса поглядывая на сосредоточенного Мастера. Тяжеловатое хмурое лицо, тяжёлое заматерелое тело. Он был самым старшим из здешних Бойцовых Псов, и на войну пошёл один из первых. Мы были влюблены в него – люди и псы – но для Мастера все мы были глупыми щенками... Если бы не эти его редкие задумчивые взгляды, если бы не эти нежные и сильные прикосновения: казалось, он не лечил, а ласкал меня. Я вздрогнула. Руки Мастера замерли.

– Что?

– Всё нормально.

– Выспишься, сходи в тюремный блок.

– Зачем?

– Похоже, мы словили большую птичку. Поприсутствуй на допросе.

– Мастер, я вообще-то переводчик с песьего!

– Сходи-сходи. Они при тебе будут повежливее и не сумеют всё испортить.

Я зевнула.

– Такая большая политика, Мастер, а я такая маленькая, слабенькая, безобидненькая девочка...

Зак насмешливо фыркнул.

– Спи уж... тихоня.

Я проскользнула в дверь и дружелюбно улыбнулась недоуменно уставившимся на меня офицерам.

– Я тут в уголочке...

Села сбоку от гаята – с правой, здоровой стороны. Левая была залеплена заживляющим пластырем.

– Здравствуйте.

Он, помедлив, молча кивнул. Провёл ладонью по прямым тёмным длинноватым для гаятского военного волосам. И – вот странно – слегка расслабился. Не внешне – внутренне. Снаружи остался, каким был: прямой, подтянутый, лицо неподвижное, отсутствующий взгляд – в стену. Краснокожий в чужом племени. Так, значит, ты и есть та самая птица...

После почти безмолвного совещания офицеры, среди которых был и полковник-секретарь военного департамента, решили махнуть на меня рукой и вновь взялись за гаята.

– Сигареты?

– Пожалуй... – он взял тонкую зеленоватую палочку и, поднеся к губам, вопросительно взглянул на меня. Я кивнула. В гаятских сигаретах почти не было табака, а запах жжёных листьев напоминал мне родной Чандлер. Пленный глубоко затянулся, задумчиво выдохнул белый дым. Я сунула ладони между колен и ссутулилась, стараясь стать как можно незаметней. Судя по всему, они разговаривали уже давно, но так ни к чему и не пришли.

– Из допроса ваших подчиненных мы выяснили, что вы полковник Юджин Джервек, один из лидеров так называемой “зелёной оппозиции”. Это так?

– Ну, раз вы мне это говорите... – медленно сказал он, провозжая взглядом дымок сигареты. – Леди приглашена читать мои мысли?

– Нет, – извиняюще улыбнулась я. – К сожалению, не умею. Рада с вами познакомиться, Юджин. Я Мэг. Маргарет Рейнан.

Он учтиво поклонился, по-прежнему наблюдая за своей сигаретой.

– Если вы действительно из “зелёных”, почему не сдали базу без боя?

Я с недоумением взглянула на задавшего вопрос офицера.

– Есть же разница между желанием прекратить войну и предательством, капитан Шуман! Юджин, могу засвидетельствовать, сопротивление было отлично организовано. Вы просто не учли Бойцовых Псов.

Джервек повернул голову и посмотрел на меня.

– Рад, что вы так высоко оцениваете мои военные навыки, мэм, – сказал совершенно серьёзно. – Псов мы действительно не учли. Вас трудно учесть. Сколько вас всего в армии?

Я улыбнулась.

– А вас – в вашей “зелёной” партии?

– Простите. Вы совершенно правы.

– Господа-господа! – призвал нас секретарь к порядку. – Кто, в конце концов, ведёт допрос? Мастер-инструктор, я не понимаю, что вы вообще здесь делаете! Выйдите!

Я выразительно прикрыла ладонью рот.

– Если мастер-инструктор уйдёт, – сказал Джервек в стену, – я буду молчать.

– Можно подумать, сейчас вы отвечаете!

– Ну, во всяком случае, разговор-то я поддерживаю, нет?

– Спасибо, Юджин, – сказала я, – мне очень хочется остаться.

– Как Игар?

– Кто? А, тот парнишка... В порядке. Спит, спелёнатый, как куколка.

– А как ваше здоровье?

– Неплохо.

– Что это было – колдовство?

Я засмеялась.

– Нет, у нас с колдовством туго! А как у вас на Гранде?

– Ещё встречается, – угол его рта пополз вверх. – Один Веймарский лес чего стоит.

– Лес? Что за лес?

– Не хотелось бы быть неучтивым, но... – полковник повёл рукой на молча слушающих нас офицеров, и я спохватилась.

– Ах да, продолжайте!

– Премного вам благодарны, мастер-инструктор, – ядовито отозвался секретарь.

Длился этот трёп ещё не менее часа, что было, по-моему, пустой тратой времени. Джервек ничего не собирался обещать и рассказывать, а применять химию к такому высокопоставленному лицу было не только бесполезно, но и опасно – у него явно стоял шоковый барьер, который скорее убьёт, чем позволит добыть информацию. Когда секретаря-полковника куда-то отозвали, притомившиеся офицеры запросили тайм-аут. К тому времени я уже настолько слилась с обстановкой, что мне даже налили кофе. Понюхав напиток – отдавало химией – я подняла глаза на наблюдавшего за мной гаята.

– Любите кофе?

– Не этот суррогат, – отозвался он.

– Настоящий у нас можно добыть только контрабандой.

– Как и у нас теперь.

Я отхлебнула навязчиво-сладкий напиток, отметив его оговорку: теперь. Объединенные силы всё ближе подходили к сердцу гаятской системы – Гранду. Интересно, эвакуируют ли они императорскую семью?

Полковник тоже сделал пару глотков. Помолчал, явно подыскивая тему для беседы.

– Вы давно на войне, мастер?

Кто-то из офицеров сделал движение, мы оба покосились, но, похоже, они не сочли это военной тайной.

– Достаточно, чтобы она мне надоела.

Он поднял бровь.

– Мне показалось, что вы чувствовали себя в бою вполне... уютно.

– Псы привыкли к простору. Даже эта маленькая планетка... как она называется? Гала?.. была для нас, как каникулы. Жаль, что мы вас так быстро обнаружили.

– Знаете – мне тоже очень жаль, – серьёзно согласился он.

– Ну да, ещё бы...

Мы одновременно оглянулись на ворвавшегося секретаря. Он старался казаться невозмутимым, но от него так и несло спешкой и волнением.

– Мастер-инструктор! – резко сказал он. Я сразу встала. Время шуток кончилось.

– Доброй ночи, господа, полковник...

Секретарь раздражённо отмахнулся. Опять не по уставу! Когда я только выучу все их формулировки? Идиотские, надо сказать, формулировки... Прибыл, убыл...

Я “убыла” из камеры, унося на спине взгляд гаята.

Джервек встал с откидной полки, неспешно застегнул мундир. Провёл рукой по волосам, окидывая взглядом маячившую за моей спиной охрану. С ожиданием посмотрел на меня.

– Добрый день, Юджин! Хотите прогуляться?

– Надеюсь, не в открытый космос? – осведомился он.

– Ну нет, туда – без меня! До госпиталя.

Гаят пошёл рядом, заложив руки за спину.

– Откуда такая уверенность, что я не попытаюсь напасть на вас, взять вас в заложники?

Я дружелюбно улыбнулась ему.

– Вы же не сделали этого позавчера!

– Да, – сказал он задумчиво, – вы были тогда не сильнее котёнка. Мне как-то в голову не пришло...

– Вот про это я и говорю. Да и наша служба безопасности обо всём позаботилась, – я мотнула головой на сопровождавших нас солдат. – Теперь сюда, Юджин.

Он молча повернул налево. Я забеспокоилась:

– Вам неприятно, что я называю вас по имени?

Гаят сделал рукой непонятный жест. Подтверждения? Отрицания?

– Просто... у нас это не принято. Юджином меня называют лучшие друзья или родственники.

– А как вас могут называть а-у-у... лучшие враги? Полковник? Лорд Джервек?

Он быстро взглянул на меня. Я пожала плечами.

– Я же говорю, наша безопасность поработала. Кое-что о вас мы уже знаем.

Полковник коротко кивнул, принимая мои слова к сведению.

– Зовите меня Джервек.

– Хорошо. А меня...

– Знаю-знаю. Мастер-инструктор Бойцовых Псов Маргарет Рейнан.

– Немножко длинновато, зато всеобъемлюще. Ещё раз налево.

Пришли.

Мы остановились у прозрачной стены общей палаты. Джервек вытянул шею.

– Который?

Я показала пальцем.

– Пятый слева. Он сейчас всё время спит, так что поговорить вы с ним не сможете. Дня через три...

Джервек уставился на меня.

– Вы уверены, что через три дня я буду ещё жив?

– Ещё как. Вы же, насколько я поняла, важная персона, и даже дураки из военного департамента будут за вас цепляться до последнего. Тем более после объявленных вчера Грандом переговоров. По крайней мере, вас попытаются обменять на наших военнопленных... О, глядите, врачи занялись вашим парнишкой!

Джервек вновь повернулся к стеклянной стене. Я отступила ему за спину, одновременно вынимая носовые фильтры. Запахи обрушились со всех сторон, как оглушительная какофония – и как обычно, я на мгновение ослепла и оглохла, перестав воспринимать мир даже осязанием... Металла, так много металла вокруг, и пластика, и ещё оружия... И запах тысяч ног, ходивших по этому коридору, и запах сотен рук, касавшихся этих стен... Ближе, ближе, ещё ближе – я, наконец, сумела вычленить из нагромождения запахов запах стоявшего передо мной человека. Запах полковника Джервека. Запах здорового... почти здорового половозрелого мужчины, запах его любимого одеколona (кстати, не самого худшего на свете), кожи, волос, потовых и половых желез; запахи, которые он и сам не мог учуять, и которые не чуял никто из окружающих. Я вдохнула ещё раз, запоминая, отсеивая, укладывая в свою копилку запахов, и вернула на место фильтры.

Теперь я всегда могу взять его след, когда это понадобится. Если понадобится.

Джервек напрягся, и я отступила. То ли, забывшись, я подошла к нему слишком близко, то ли он просто не выносил, когда у него стояли за спиной.

– Что теперь? – спросил, оборачиваясь.

Я махнула рукой.

– Прогуляемся?

Мы не спеша “прогуливались” по пустынным в этом секторе коридорам космобазы. Наконец, не выдержав, я рассмеялась:

– Вы так наслаждаетесь моим обществом, что даже не хотите ни о чём спросить?

– Вашим обществом я действительно наслаждаюсь, – сказал он, скользнув взглядом над моей головой. – А вопросы не задаю, чтобы не поставить вас в неловкое положение – вдруг вам запрещено отвечать.

– Не знаю до конца, в чём тут дело, – сообщила я доверительно, – но, похоже, вам придали статус почётного пленника. Потому и заботятся о вашем моционе. Я – ваш почётный гид.

– А это, – он кивнул за плечо, – мой почётный эскорт?

– Ну да. Неплохие ребята. Крепкие.

– Мне бы хватило вас одной, – учтиво сообщил Джервек. – Я сейчас не в лучшей форме.

Ну да, как же, а потом этот слабак-гаят сносит тебе башку твоим же собственным бластером! Я поглядела на потолок и сказала жизнерадостно:

– Вообще-то у меня “жучок” в лацкане куртки! Так что если вам вдруг захочется поболтать о военных или государственных секретах, наша записывающая аппаратура к вашим услугам. Я, знаете ли, подсадная утка...

И я явственно услышала, как заскрипел зубами капитан Шуман.

Джервек слегка споткнулся. После чего посмотрел на меня очень внимательно.

– Вообще-то, я так и предполагал. А вам... вы не будете наказаны за своё предупреждение?

– Наказана? С чего вдруг? Я же не нанималась сюда шпионом. Хотите посмотреть нашу оранжерею? Думаю, это не секретный объект, а если ошибаюсь, меня сразу поправят.

Джервек последовал за мной с каменным лицом – похоже, моё легкомысленное отношение к воинской дисциплине его шокировало. Мы промаршировали по узким дорожкам парка, спугнув какую-то парочку; та, злобно собрав вещички, убралась из-под тяжёлых ботинок нашего кортежа. “В другой раз, дети мои“, посочувствовала я, охранник за спиной хмыкнул.

Я довела пленного до моего любимого места – там, где крохотный ручеёк падал по каменным уступам в миниатюрный пруд, заросший ряской. С наслаждением разулась; прошлёпав босыми ногами по траве, умылась, намочив и голову. Встряхнувшись, села на землю, обнимая колени. Джервек прислонился спиной к иве. Я втянула воздух: добавить бы сюда ещё немного цветов... и ветра... и дождя – и можно представить, хотя бы представить, что я – на Чандлере.

Джервек наблюдал за мной из-под полуприкрытых век. Спина, как всегда, прямая, руки скрещены на груди. Никогда не раскрываемся, да? Не лицо – броня. Металлическая дверь. Так и хочется заложить взрывчатку.

Как ни странно, в этот раз он заговорил первым.

– Зачем вы привели меня сюда, мастер-инструктор?

Я криво усмехнулась.

– Ждете подвоха? Просто расслабиться. Здесь я вспоминаю дом.

Он помолчал. И снова – очень неохотно, словно преодолевая себя:

– Чандлер – красивый мир?

Я моргнула. Хотя почему бы ему не знать, что Псы родом с Чандлера? Это ни для кого не секрет.

– Слишком слабо сказано. Чандлер – огромная, малозаселённая планета. У нас всего один крупный город. И много лесов. Гор. Рек. На Чандлере каждый может найти, что пожелает. Там нет... – я смолкла, подыскивая нужное слово, – искусственности.

Он смотрел на меня сверху, подняв бровь. Сказал непонятно:

– Вижу.

– А какой ваш дом? – поспешила я, пока он разговорился.

Джервек молчал, глядя перед собой.

– У меня старый дом, – ответил, наконец, когда я уже решила, что это – стратегический секрет. – Он принадлежал ещё моему прадеду. Очень просторный... хотя и несколько мрачноватый. В нём просто не хватает обитателей.

– А ваши родители?

– Отец умер, – сухо сказал он, и я поняла, что не стоит спрашивать о судьбе его матери.

– Дом, – услышала я и с удивлением обернулась, хотя ему было легче говорить, когда я на него не смотрела. Я просто не ожидала продолжения. – Это скорее замок. Маленький замок. Серые камни, башни, бойницы. Мой прадед был романтиком. Отец, потом я немного... осовременили его, ничего не меняя внешне. Вокруг парк. Большой парк. Немного заброшенный, но красивый. На севере он переходит в лес.

Он скосил на меня полуприкрытый глаз. Сказал задумчиво:

– Вам бы там понравилось.

– Лес? Ещё бы!

Я пересыпала песок в ладонях, пытаюсь представить, увидеть его глазами. На мгновение получилось: серый замок, скорее мощный, чем красивый, стоящий на зелёном холме, который огибает быстрая, мелкая, сверкающая на солнце река... но как она разливается в половодье... Самое красивое, самое родное место в мире и эта... этот странный мастер-пес...

– Проходите, – услышала я равнодушный голос охранника и очнулась.

– А в чём дело?

Мы оглянулись. Охранники лениво теснили заглянувших в “мой” уголок солдат.

– Ах, простите! – сказал один с издёвкой. – Помешали любезничать пёсему мастеру с гаятским аристократишкой!

Вернее, вместо глагола он употребил другое слово, считающееся оскорбительно-неприличным во многих мирах.

– Проваливай, – сказал охранник.

Гогот. Охранники вновь отступили. Один из них, наклонившись ко мне, предложил негромко:

– Хотите, мастер, я ему потом морду начищу?

Я поглядела на него внимательней – даже не знаю, как звать. Сказала благодарно:

– Спасибо, но не надо. Я не обиделась.

Обидеться-то не обиделась, но прежнего настроения как не бывало. Я вновь натянула ботинки. Вставая, заметила незаконченное движение Джервека – он собирался подать мне руку, но в последнее мгновение передумал.

Дорожки в парке были узкими, гаят шёл рядом, то и дело задевая меня твёрдым плечом, но явно стараясь не наступать на короткую щетину травы – привычка космонавта, приобретённая в тесном пространстве баз и кораблей. Интересно, чем он занимался до войны? Ведь не сидел же безвылазно в своём замке?

– Мне показалось, или вас пытались оскорбить? – осведомился Джервек сдержанно.

– Не показалось.

– Это... из-за меня?

– Нет, из-за меня. Здесь направо.

Джервек молчал, поглядывая. Я пояснила:

– Некоторые мужчины странно реагируют на отказы.

Пауза.

– Вы отказали ему?

– Да.

Пауза. Любопытство боролось со сдержанной учтивостью гаята. И победило.

– А могу я спросить...

– Он воняет.

Пауза. Джервек осторожно вздохнул.

– Вот как?

Я покосилась. Он не понял.

– У Псов очень тонкое обоняние. Сами понимаете, не всякий запах им придется по вкусу.

Я замедлила шаг, заглянув в приоткрытую дверь каюты. Джек по-прежнему лежал возле пустой полки. Его ноздри дрогнули, но он даже не открыл глаза, лишь, вздохнув, отвернул от нас лобастую рыжую голову. Поилка была полна, еда не тронута. Я коснулась его, опустившись на корточки.

Джек?..

Уходи, сказал он. Вздохнув, я поднялась и вышла к ожидавшему за порогом Джервеку.

– Эта собака...

– Пёс.

– Этот пёс уже несколько дней лежит там, я видел, когда меня водили на допросы. Он болен?

– У него погиб напарник. Если бы был транспорт, мы бы отправили его на Чандлер вместе с телом Кира.

Я шла, засунув руки под мышки.

– Когда теряешь напарника, на некоторое время слепнешь и глухнешь. Словно у тебя ампутировали что-то жизненно важное. Чуть ли не главное...

– Да, – сухо отозвался Джервек. – Это я могу понять.

Конечно. Он же солдат. Ему наверняка приходилось терять друзей...

– Мы вызвали девушку с четвёртой базы. Её пёс погиб полгода назад. Ещё раз направо. Пришли. Не утомлены прогулкой?

Его губы дрогнули.

– С удовольствием бы пригласил вас на обед. Но, боюсь, тюремный рацион...

Я засмеялась.

– Думаете, он сильно отличается от нашего? Разве что величиной порций.

Он глядел на меня, о чем-то раздумывая.

– Мы ещё увидимся?

– Если не запретят наши психи из контрразведки, – я протянула руку.
– До свидания.

Джервек с мгновение смотрел на неё. Я уже начала чувствовать себя глупо, как он взял мою ладонь. Но не пожал, просто задержал в пальцах. Прикосновение не было неприятным.

– Был рад провести с вами время, мастер-инструктор.

Ох уж, рад! Но, как ни странно, он говорил искренне.

Услышав шум за спиной, я недовольно оглянулась. Курсанты тоже оборачивались к выходу. У двери занимали позицию охранники. Джервек сидел за стол на самом верху аудитории. Вскинул ладони, извиняясь. Я вопросительно глянула на сидящего в первых рядах Мастера – тот построил невинную физиономию – чёрт побери тебя и твои опыты, Мастер!

– Разберём эту диспозицию... Псы, прошу внимания! Кальвин!

Занятие закончилось через полчаса. Псы и десантники потянулись к выходу, глаза на спускавшегося сверху Джервека; один из охранников скучающе следовал за ним. Я положила световую указку.

– Прошу прощения, мастер-инструктор, я помешал...

– Нет, это моя вина, – вмешался Мастер, неспешно подымаясь. Зак потянулся и сел. – Я дал разрешение побывать на экскурсии у тебя в аудитории. Здравствуйте, полковник.

Они обменялись короткими кивками. Мастер руки не подал – видно, он знал традиции Гранда лучше меня. Или врагам вообще руки не подают? Джервек смотрел поверх моей головы на гаснущий экран. Отёк и синяки у него почти прошли, и цвет тёмно-зелёных глаз стал ярче.

– Значит, в операции «Зеро» были задействованы Бойцовые Псы...

Мастер потер пальцем бровь. Его что-то сильно забавляло.

– Ну да, с Мэгги во главе!

Джервек недоверчиво поглядел на него. На меня.

– Действительно?

Я пожала плечами.

– Вы слышали.

– Я думал, переводчику необязательно возглавлять боевые операции, – сказал полковник, машинально беря в руки указку.

– Мастер считает, мне нужно выгуливаться время от времени, чтобы я не перегрызла весь базовый состав.

Джервек внимательно рассматривал указку.

– В «Зеро» погибло несколько тысяч человек с той и с другой стороны. Вы считаете это – игрой?

– Я не могу запретить Мэгги воевать, если я правильно вас понял, – медленно сказал Мастер. – Это не значит, что я этого не хочу.

Зак подошел ко мне, подтолкнул башкой. Я послушно погладила его.

– У нас другая психология. Псы готовы играть до бесконечности. Они не замечают, когда игра перерастает в драку. Потом они зализывают раны, прощаются с погибшими. И снова начинают играть.

Джервек не отрывал глаз от указки. Мы с Мастером смотрели на него.

– Мне... трудно это понять.

– Разумеется, – сухо отозвалась я. – Ведь мы, в отличие от вас, не защищаем свой дом. Но, Джервек, вы начали эту войну и, пока она не

закончится, мы вынуждены играть в ваши игры. А сейчас – я устала и хочу отдохнуть.

– Прошу прощения, – полковник очень осторожно положил указку, коротко кивнул нам и пошел наверх.

Мастер проводил его взглядом. С интересом посмотрел на меня.

– Ты разозлилась.

– Он не имеет права указывать мне и тебе, что я должна делать!

– Это естественное желание для мужчины – защищать привлекательную женщину.

– Чёрта с два! Я ему интересна, да, потому что я – женщина-солдат. Насколько я знаю, у них в армии нет женщин. Во всяком случае, в боевых частях. Он чувствует себя сбитым с толку и не знает, как себя со мной вести – как с противником или как со слабой женщиной. Это его и привлекает

Мастер хмыкнул.

– Неплохой психоанализ, Мэгги! Может, спросим самого испытуемого?

– Думаешь, он тебе ответит?

– Нет, но ты можешь послушать.

– Не понимаю я вашу затею со всеми этими беседами-экскурсиями. Чего вы добиваетесь?

– Когда враг перестаёт быть безликим, а превращается... допустим, в тебя, Мэгги, – стрелять становится куда труднее. У Джервека много власти. В его силах ускорить и облегчить переговоры и капитуляцию Гранда.

Я сморщилась.

– Неплохой спич, Мастер! А может, стоило подсунуть ему кого-нибудь поженственней и по... человечней, а? Чтобы он полнее ощутил радости жизни?

Мастер слез со стола. Сказал обыденно:

– Ну, насчет женственности... Зак вон от тебя без ума. Готов валяться, как щенок, чтобы ты ему брюхо чесала...

Он тяжело пошел наверх. Зак фыркнул:

– Это он – про себя!

Цокая когтями по металлическому полу, навстречу прошествовал серый Ферли, удостоив меня короткого кивка хвостом. Джервек оглянулся ему вслед. По реакции на псов всегда было можно определить, кто новичок на базе.

Я хмыкнула.

– Первое время их хотели обязать носить намордники!

– Не удивляюсь, – серьёзно согласился Джервек.

– Мастер предложил начальнику базы завязать себе рот и попробовать командовать. Отстали. Вот моя комната.

Джервек медленно переступил порог. Поглядел налево-направо. Помоему, и разглядывать особо нечего: обычная офицерская каюта. Я, правда, хотела жить со Щенками, но Мастер настоял – сказал, буду очень уставать. И оказался прав. Не очень-то приятно быть плотиной, о которую с обеих сторон бьются волны...

– Садитесь, – предложила я, устраиваясь на своей полке. Джервек, заложив руки за спину, рассматривал снимки.

– Моя семья.

– Семья? У вас существует такое понятие?

– Не совсем традиционное. Родители-люди, вторые родители-псы, детеныши с обеих сторон.

– А в традиционном смысле?

– В смысле жена-муж?

Я помолчала. Семейные и половые отношения одни из самых деликатных в мире, черт побери этого Мастера со всеми его планами!

– Псы, как правило, моногамны, пока растят детей. Да и зачастую – позже. А у вас?

– У нас разводы очень редки. Традиции. Долг. А где ваша собака... э-э-э... партнер?

– Напарник? – я засмеялась. – У меня его нет. Я своего рода уникум. Когда я родилась, в округе не было ни одного щенка, и я так и выросла, как... по мнению Псов – беспризорная. Но зато сейчас мне это очень пригодилось: я неплохо понимаю тех и других. Знаете, когда привыкаешь понимать друг друга не то что с полуслова – полумысли – часто не хватает терпения объяснять вроде бы совершенно очевидное. Многие Псы жалуются на человеческую тупость, а люди считают их заносчивыми полуживотными. Конфликт двух рас, знаете ли...

Джервек глядел на меня во все глаза.

– А между ними вы?

– Ну да, – я скромно пожала плечами. – Таков мой крест... Ого, похоже, бегут по вашу душу!

Ворвавшийся в комнату капитан Шуман имел встрепанный вид.

– Полковник, пройдёте со мной! Ваши соотечественники желают удостовериться, что вы живы.

Джервек неспешно поднялся. Повернул ко мне голову.

– Мастер-инструктор?

– О, конечно, я бы с удовольствием пошла с вами! – взмолилась я. – Никогда не была на настоящих переговорах!

Гаят кивнул морщившемуся Шуману, словно выдал своё милостивое разрешение, и также неспешно, прогулочным шагом отправился в центр связи.

– Полковник Джервек?

– Как видите, – сухо отозвался тот, даже кивком не приветствуя своего собеседника.

– Рады, что с вами всё в порядке.

– Вы называете это порядком?

– Простите, сэр. Мы должны были убедиться, что с вами... что вы живы, прежде чем продолжать переговоры дальше.

– Я смотрю, “зелёные” захватили большинство в генштабе?

– Очень благоприятные обстоятельства, сэр, просто ноль-штрих-один. Надеемся на ваше скорое возвращение.

Джервек сухо кивнул.

– Я тоже.

Откинулся на спинку кресла, наблюдая за отключением связи.

– Вы удовлетворены?

– Что такое “ноль-штрих-один”? – полюбопытствовал Шуман.

– Гаятская поговорка, – рассеянно пояснил Джервек, – означающая высшую степень чего-либо.

– Вам придется вернуться в свою камеру, полковник.

– Разумеется. Бесконечные переговоры, не так ли? Э-э-э... мастер-инструктор, не проводите меня?

Я молча пошла рядом. Я чувствовала, что наш полковник получил хороший удар под дых и всё никак не мог вздохнуть.

– Ноль-штрих-один... – пробормотала я. Джервек взглянул искоса. Охрана отставала на несколько шагов, негромко что-то обсуждая.

– Жаль, что я так плохо знаю гаятский, – посетовала я. – Вы подучите меня всем этим вашим разговорным тонкостям?

– С удовольствием, мастер-инструктор, – любезно согласился Джервек, приостанавливаясь на балконе над суетой огромного ангара станции. Вид действительно впечатляющий: боевые корабли, юркие разведчики, грузовые транспорты... Охранник лениво дотронулся до плеча полковника.

– Проходим, не останавливаемся!

– Да, – кивнул Джервек – как-то отсутствующе, точно самому себе. – Поторопимся.

И, сделав шаг, выдернул из расстёгнутой кобуры охранника бластер – второй солдат ещё только открывал рот, как Джервек рванул меня на себя, локтем больно сдавив шею.

– Осторожно! – сказал резко. – Дайте мне пройти к кораблю!

Глаза Мастера горели. Встревоженная морда Зака елозила у его плеча.

– Ты именно этого хотел, когда посылал меня в тюремный блок? – поинтересовалась я с сомнением.

– Мэг, – сказал Мастер и замолчал.

Я подняла ладони, привлекая его внимание к приковавшим меня к креслу наручникам. Такие же сковывали мои ноги.

– Я, конечно, могла бы отгрызть себе руку, – сообщила я. – Но сомневаюсь, что она снова вырастет. И... Мастер. Мне дурно от сильных запахов.

Так, два варианта освобождения отброшены. Мастер с силой потер шею.

Рука Джервека легла на мое плечо. Я вздрогнула от неожиданности, и его пальцы сжались: не понять – успокаивающе или угрожающе.

– Дайте нам улететь, – сказал он ровно.

– Лети, если получится! – рыкнул Мастер. – Мэгги?

Я глубоко вздохнула. Ненавижу запах страха.

– Мастер. Полковник Джервек не хочет причинять мне вреда. Но он очень, очень торопится. Ему почему-то очень важно скорее попасть домой, и он может с отчаянья сделать что-нибудь не то. Мне бы не хотелось умереть такой молодой.

Мастер не сводил с меня пристальных серых глаз – похоже, пытался понять, говорю ли я то, что говорю... Я не врала. Плохо умею.

Мастер сказал, отворачиваясь:

– Ладно. Надеюсь, ты права. Дайте им выйти.

– Но, Мастер... – сказал кто-то за пределом видимости.

– Дайте им уйти, я сказал! – гаркнул Мастер, и экран погас.

Пальцы Джервека разжались.

– Так просто?

Я потеряла подбородком онемевшее плечо.

– Мне верят. Куда летим, полковник?

– Домой... как вы и сказали.

Я наблюдала за его уверенными движениями: если Джервек и задумывался, то совсем ненадолго.

Молчание – не самая сильная моя черта.

– И долго вы разрабатывали этот побег?

Он ответил не сразу – что-то переключил, нажал, задумчиво оценил результат... Отозвался спокойно:

– Почти с самого начала.

– Я оказалась самым удобным объектом?

– Очень удобным, мастер-инструктор, – любезно подтвердил Джервек. – Почему вы так доверчивы?

Я поглядела на свои прикованные руки.

– Наверное, потому что у вас не было враждебных мыслей по отношению ко мне.

Пауза. Он тоже посмотрел на мои руки.

– А какие же мысли были?

Я пожала плечами и сморщилась от боли.

– Что было – то уплыло... И всё же, что случилось, Юджин? Что произошло?

Некоторое время Джервек задумчиво изучал меня. Казалось даже, хотел ответить... Но – коротко рассмеялся, повернулся к пульту.

– Я всё забываю, что с вами нужно держать ухо востро!

– Я тоже об этом подзабыла, – пробормотала я.

Мне разрешали смотреть видео: я без особого удивления обнаружила, что мы выглядим такими же безмозглыми убийцами, как и гаяты в нашем исполнении. От нечего делать проштудировала несколько учебников по истории и языку Гранда, но нигде не встретила выражения “ноль-штрих-один”. Термин военных или разведчиков. Чем, интересно, занимается полковник в свободное от похищения несчастных Бойцовых Псов время?

Я могла бродить по левому крылу замка Джервек и очень небольшому участку очень большого парка. Замечательного парка. В общем-то, я не скучала, внушив себе, что это – своего рода принудительный отпуск. А уж когда на вторую неделю Джервек прислал мне гончих, жизнь и вовсе стала сносной. Правда, с гончими особо не поболтаешь. Как и с настороженными слугами и совершенно немymi охранниками. Так что когда, наконец, в замок прибыл его хозяин, я ему даже обрадовалась.

– Мэм, – сказал Джервек, являясь из солнечного утра и занимая место напротив. Едва не подавившись сладкой булочкой, я вытаращилась на него. Или я теряю нюх, или он действительно явился неожиданно даже для своих слуг: суетясь, они накрывали ему второй прибор.

– Полковник... – я с усилием сделала глоток.

Он глядел в стол, и я могла беспрепятственно его рассматривать. В отличие от меня отдохнуть его так никто и не заставил. Джервек выглядел осунувшимся, но не таким озабоченным, как две недели назад. Если у него и были проблемы, он сумел их уладить. Сейчас полковник казался моложе, чем мне запомнилось. Тёмно-зелёные глаза, тёмные подстриженные волосы; худощавый – по сравнению с Мастером. Ни единого знака отличия, но чёрная шёлковая рубашка всё равно выглядела, как слегка смягчённый вариант военного мундира. Взгляд чуть сощуренных глаз скользнул по мне и устремился в открытое окно за моей спиной. Кажется, на сегодняшнее утро я была его проблемой.

– Вижу, вы не расстаетесь со своей формой, – заметил Джервек.

– Ну, видите ли, – я взялась за тонкую ручку фарфоровой чашки. – Я улетала в такой спешке, что не успела захватить с собой дорожные чемоданы.

Он сдвинул брови, размышляя над горячим бифштексом.

– Вас должны были обеспечить всем необходимым.

– Понятие необходимого у нас разное, – я глотнула кофе – да уж, не суррогат! – Ваша... а-а-а... домоправительница... кастелянша?... была в ужасе, когда узнала, что я не ношу кружевные... как это?.. держатели груди. Грудь у меня и без того крепкая. Они мне совершенно не нужны, видите?

Его рука, потянувшаяся за маслом, замерла в воздухе, когда он взглянул в указанном направлении. Джервек согласился сдержанно:

– Да, действительно, ЭТО вам ни к чему. Ну, а всё остальное?

Я поморщилась.

– Раз я пленная, нет нужды бродить здесь, как ряженая обезьянка. Форма как-то подтягивает, держит настороже. Один раз рядом с вами я уже расслабилась, и вот, – я повела рукой, – результат.

Не глядя на меня, Джервек кромсал свой бифштекс.

– Сожалею, но в тот момент этого требовала ситуация. Это война, мэм, и...

– И чем меньше мы будем терзаться угрызениями совести, тем нам легче будет воевать, – подхватила я.

– Рад, что вы это понимаете.

– Я вообще понятливая. Справились со своей... ситуацией?

– Более или менее. Скорее более.

– Когда я могу вернуться домой?

– На днях будет заключено соглашение об обмене военнопленными.

Запрос на вас уже получен, так что, мэм, потерпите ещё немного.

– Кстати, почему вдруг «мэм»? Вы же знаете мое имя и звание!

– О вас мало кто знает, – сказал Джервек безмятежно. – И лучше будет, если вы останетесь обыкновенной пленной – без имени и звания. Иначе кое-кто захочет познакомиться с вами поближе и поосновательней.

Я хмуро разглядывала его. Что ж, это можно счесть своего рода извинением. Подонок.

Джервек протянул руку за бокалом.

– Кстати, о знакомствах. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы кое с кем побеседовали...

– Против? После двухнедельного заключения в вашем одиночном замке? Да хоть со вторым Джервеком!

Полковник слабо улыбнулся.

– Уверяю вас, он гораздо приятней.

– И если ты ещё раз откроешь свою пасть, я вырву твой язык и засуну его тебе в задницу, где он и должен находиться, понял?

С этими словами я развернулась и чуть не налетела на парня, стоящего за моей спиной. Я едва заодно не рывкнула и на него – остановило выражение тихого восторга, сиявшего в его карих глазах. А потом я увидела кучу народа, торчащего у парня за спиной, а потом

память щёлкнула, и я, наконец, сообразила, кого едва не сбила с ног. Пфу-у...

– Познакомься, Кассио, – в голосе Джервека, словно в тисках, бился смех. – Это и есть та милая леди, о которой я тебе рассказывал.

– Прошу прощения, ваше высочество, – пробормотала я с досадой. – Это всё щенки.

– Щенки? – негромко переспросил он, по-прежнему не сводя с меня глаз. Ресницы – умопомрачительные.

– Ну да, – я отступила, махнув рукой на вольеру. – Люди полковника никак не могут усвоить, что им нужен простор.

Теперь принц смотрел на гончих. Тонкий, слегка горбоносый профиль. На бледных губах появилась слабая, какая-то больная улыбка.

– Вы уверены, что это щенки?

Я его понимала. Трехмесячные мордорские гончие были уже ростом с добрую взрослую собаку, а их толстые тяжёлые лапы запросто могли переломить хребет кошке, имевшей несчастье попасться им на пути. И всё же это были щенки – немного неуклюжие, с забавными тупыми мордами в складку и шалыми блестящими глазами.

– Ваше высочество, вы утомлены, время...

Я оглянулась. По знаку Джервека говоривший смолк и отступил. В свите произошла рекогносцировка – явно нехотя, медленно, оглядываясь, сопровождение убралось; остались лишь маячившие поодаль парни в форме стаховских телохранителей.

– Смотри, Юджин, – сказал принц.

– Да, я уже видел.

Меня Джервек тоже видел, но всё равно то и дело посматривал с незнакомыми искорками в глазах. Похоже, его рассмешила моя машинальная попытка изобразить подобающее случаю приветствие – нечто среднее между книксеном и отданием чести. Ну и что? Мне и самой смешно.

– А... – принц повернул голову. – Как с ними обращаться?

– Как с обычными детьми. Кормить, играть, давать вволю гулять на солнышке.

– А можно их сейчас выпустить?

– Я и собиралась. Только не стойте у них на пути – затопчут. Ну что, мои хорошие, погуляем?

Сопение и повизгивание сгрудившихся у дверей щенков превратились в торжествующий лай, когда чёрно-белый ком вывалился из клетки и понёсся вниз по зелёному склону. Принц и Джервек отправились вслед за ними. Рядом с полковником принц казался ещё тоньше и изящней – словно девочка-подросток.

– А можно я... – принц пошёл к кувыркающимся гончим.

– Осторожно! – но щенки уже узрели новый объект для игры и, налетев всем скопом, свалили парня с ног. Фыркнув, я ухватила за локоть рванувшегося Джервека. – Не мешайте, они же играют! Пара царпин...

Но он уже и сам остановился, наблюдая, как принц возится с сопящим и рычащим клубком и хохочет в голос. Со странным, надо сказать, выражением смотрел.

Вдоволь набарахтавшись, щенки развалились на солнышке, тяжело дыша и поглядывая друг на друга – не начнет ли кто новую игру. Принц сидел на траве, почесывая розовое голое брюшко нежившейся девочки, самой маленькой из пятерых гончих.

– Через полгода вы с ними так уже не поиграете, – я присела рядом на корточки. – Выпросите одного себе у полковника. У вас есть собаки?

– Не такие.

– Только вам нужен хороший инструктор, а то этот подросший урод перегрызет кучу народа, прежде чем вы успеете его остановить.

– Звучит заманчиво, – сухо сказал над моей головой Джервек.

Принц вскинул смеющиеся глаза.

– Не правда ли? Ну что, и кого мне взять?

– Выбери сам.

Принц поглядел на прихватившую его палец гончую.

– Вот эту.

Я удивилась. Физически слабые люди обычно выбирают крупных злобных кобелей, стараясь компенсировать свою уязвимость или придать себе уверенность.

– Почему именно эту?

Принц тщательно почесывал брюхо гончей. Сказал, не поднимая глаз:

– Она внушает... нежность, – и спрятался за бело-чёрный пух щенка. Длинные тёмные волосы упали на лицо.

– Идём, – сказал Джервек, помолчав. – Ты и вправду слишком много двигаешься сегодня.

Принц рассмеялся:

– Тетушка Юджин в своем репертуаре!

Но для того, чтобы встать, он и вправду должен был опереться на руку Джервека. Обернулся ко мне – почти застенчиво:

– Я был бы рад поужинать с вами сегодня. Это... не очень неудобно?

Я засмеялась.

– Неудобно ужинать с будущим императором Гранда? Да я себе никогда не прошу, если упущу такую возможность! Обо мне будут слагать легенды!

– Можно мне называть вас Маргарет?

– Запросто.

– А я Кассио. Кассио Эйджел.

– Ну да. Я уже догадалась.

Он рассмеялся. Слава богу, а то я думала, что все гаяты, вроде Джервека, способны в лучшем случае только на скупые улыбки...

– Конечно. Извините за глупость. Мы с Юджином ждём вас в восемь. До вечера, Маргарет.

– Пока.

Я провожала их взглядом. Когда они добрались до вершины холма, Кассио уже откровенно опирался на руку спутника.

За спиной – стена из каменных блоков, увитых цветущим плющом. Слева – освещённая фонарём узкая мощёная дорожка, ведущая вглубь парка, справа – вид на темнеющую лужайку. Высокие кроны деревьев кажутся чёрными на фоне закатного неба. Чуть поодаль от накрытого стола – маленький фонтан с перекрещивающимися струями.

– Не хотите попробовать наших вин? Это лёгкие закуски, надеюсь, они придутся вам по вкусу.

– Пахнет аппетитно.

Джервек сосредоточенно разливал вино. Кассио, тоже весь в чёрном (любимый цвет гаятов?), поднял прозрачный бокал, глянул тёмными блестящими глазами.

– У нас в семье существует обычай, который не принято нарушать – первый тост за Веймарский лес.

– За лес так за лес, – согласилась я.

– За лес! – сказал и Джервек. Сдвинутые бокалы тоненько запели: этот звук продолжал звенеть в воздухе, медленно угасая, когда я сделала первый глоток. Терпкое, крепкое, густое – и горечь и сладость в одном бокале...

– М-м-м... дайте вон то... пирожное? Да.

Я откусила – да чего там откусывать? Облизнула с губ нежный тающий крем. Перехватила взгляд Джервека – он смотрел на мои губы. Я почувствовала, как внутри меня разливается тепло.

– Люблю поесть, – сообщила я принцу, провожавшему взглядом третий бутерброд: и что их такими маленькими делают? – А вы что не едите?

– Не хочется.

Я кивнула.

– Болели? Ничего, у Джервека быстро наберёте вес – поневоле. У него так вкусно кормят. Вашего бы повара да нам на базу!

– Скучаете по своим? – спросил Кассио, крохотными кусочками отправляя в рот пирожное.

– Очень. Но полковник обещает скоро отправить меня домой.

– Ещё бы, – с каменным лицом сказал Джервек. – Мне вовсе не улыбается сидеть и ждать, когда на мою голову свалится десант Бойцовых Псов с вашим Мастером во главе!

– Нервирует, – согласилась я. – Хотя лично я бы не отказалась.

- А ваши собаки... – начал принц.
- Псы! – поправили мы с Джервеком одновременно.
- Они действительно разумны?
- Да уж поумнее многих людей!
- И как вы этого добились? Вывели новую породу?

Я засмеялась.

– Если бы мы! Когда домашних собак завезли на Чандлер, и они скрестились с местными волками, что-то произошло – мутация, толчок... Учёные до сих пор об этом спорят. Это Чандлер... всё Чандлер. А потом уж псы начали разводить нас.

– Как это?

– Псы же до сих пор не научились говорить. А общаться им хочется. Да и привязанность к людям у них, похоже, уже на генном уровне. Так что в своё время они начали выбирать из человеческих детенышей тех, кто наиболее способен к телепатии, эмпатии... Существует специальное обучение, его разработали позже. Но до сих пор считается необходимым, чтобы дети с обеих сторон росли вместе с самого рождения.

– Хотите сказать, что Чандлер – планета телепатов? – недоверчиво спросил Кассио. В сумерках раздался мягкий смех Джервека. Я отхлебнула ещё. Нет, вино здесь ни при чём. Это Кассио так расслабляюще действовал на Джервека. А Джервек, в свою очередь, – на меня.

– Не пугайся, Кассио! Мастер-инструктор утверждает, что не умеет читать мысли. Так что все твои секреты останутся при тебе.

– Не все, – поправила я, ставя бокал. Что это? Сверчок? Чуть поодаль, в деревьях, осторожно пробовала голос птица.

– Не все? Что вы имеете в виду? Вы всё-таки читаете чужие мысли?

– Чужие эмоции. Пристрастия, антипатии, ощущения... Я могу, не видя вас, сказать, когда вы испуганы, взволнованы, возбуждены...

Теперь рассмеялся Кассио.

– Бедный Юджин! Он годами вырабатывал свой невозмутимый образ, а теперь приходит маленькая леди и грозит его разоблачить!

– Ну, не такая уж маленькая, – заметил Джервек, вновь откидываясь на спинку кресла – будто там, в темноте, подальше от меня, действительно чувствовал себя в большей безопасности. – Так вы всё-таки опасны, Мэг...

– Разве что если использовать меня как живой детектор лжи на допросах. Не думаю, что чувствовать и не скрывать, что ты чувствуешь – опасно.

– У вас другой мир. Возможно, для вас это в порядке вещей. Традиции Гранда диктуют нам иной стиль поведения. Вряд ли мои солдаты поняли бы меня, если бы я стал вопить от страха, когда вы захватывали нашу базу на Гале!

Мы с Кассио с наслаждением захихикали, представив эту картину.

– А вы боялись? – поинтересовалась я.

Джервек задумался, покачивая в руке бокал. Принц подпёр подбородок тонкой рукой. Тёмные густые брови, сросшиеся на переносице, тёмно-карие большие глаза... Я перевела взгляд на бледнеющее в сумерках лицо Джервека. Та-ак...

Джервек посмотрел на меня сквозь полуприкрытые ресницы.

– А вы узнаете, если я сейчас совру?

– Попробуйте.

– Эта странная смесь... Страх. Азарт. Отчаянье. Ответственность за жизни моих солдат. Я думаю, вы тоже это испытывали.

И, будто поставив точку, сделал большой глоток. Блеснул на меня глазами.

– Ну как? Экзамен сдан?

Я нежно ему улыбнулась.

– Вот видите? Ничего страшного!

Кассио хихикнул.

– Хотел бы я, чтобы вы погостили у нас подольше! Я всё время пытаюсь понять, что чувствует этот бронированный орешек!

Джервек улыбнулся – плоховато что-то в этот раз у него получилось.

– Не советую, Кассио. Не надо. Не всякое знание приятно.

Лёгкий взмах длинных ресниц, взгляд – в свой играющий багрянцем бокал. Слова Джервека прозвучали как отповедь. И отповедь была принята.

– А вы не могли бы рассказать ещё о Чандлере? – спросил Джервек. Правда, он и тут оказался верен себе, добавив, – если это не противоречит вашей присяге...

Я фыркнула:

– Интересно посмотреть, как вы используете в военных целях сведения о Холме Песен!

Мне было что рассказать, а им – что послушать. Может, я что-то и приукрасила, но блеск глаз Кассио и задумчивая улыбка, о которой сам Джервек, наверно, и не подозревал, того стоили...

Я отхлебнула вина – смочить пересохшее горло, и удивилась, что свечи почти догорели. Вот так разошлась... Стало прохладно. Нет, это Кассио передернул плечами – тонкая шёлковая рубашка не спасала от ночного дыхания близкого леса.

– Поздно, – тут же сказал Джервек. – Кассио?

Я встала.

– Ох, и заговорили вы меня! Я здесь привыкла ложиться рано.

Мужчины поднялись следом.

– Благодарю вас, Маргарет, за прекрасный вечер, – церемонно сказал Кассио. – Это было...

– Поучительно? – посмеиваясь, подсказала я.

– Замечательно, – твердо закончил Кассио. – Спокойной ночи, леди Маргарет!

Так я уже превратилась в леди? Приятное обращение!

– Юджин, проводи свою гостью... Я сам! Ты же знаешь, я никогда не остаюсь один.

Горечь? Язвительность? Раздражение? Простившись с принцем, мы с Джервеком побрели по дорожке к “моему” крылу замка.

Слева, от леса, веяло прохладой. Справа – теплом от тела идущего рядом мужчины. Все спали – кроме той, ночной, бессонной птицы...

Я остановилась у своей комнаты.

– Спокойной ночи, полковник?

Джервек молчал. Значит, спокойной. Я повернулась к двери.

– Подождите... – он коротко прикоснулся к моему плечу. – Я вам благодарен. Очень благодарен.

– За лекцию о Чандлере?

– За Кассио. Он первый раз... он давно не был так... таким живым. Спасибо. Спокойной ночи.

Чёткий разворот – и нет его. А я-то настроилась на долгую подробную беседу о Кассио. Об его болезни. Об его отношениях с полковником Джервеком. Об... А, да что говорить! Спокойной ночи. Всем.

В сад я вылезла через окно – до чего же узкие у них окна, надо подсказать Джервеку! Выпрыгнула в мокрую траву. Воздух пах дождём и утренними цветами. Неохотно пробовали голоса птицы, пришедшие ночной на смену. Я засмеялась и бросилась вперед – сквозь туман, траву, кусты, деревья, вздрагивая от ошпаривающих кожу ледяных капель. Вымокла мгновенно, и бежала, бежала – вниз по склону к реке, потом вверх, по холму, к лесу; мышцы, застоявшиеся, замякшие от безделья, ныли и сладко пели. Вверх-вниз, нырок под низкие ветки, кувырок, горящее лицо охлаждает роса, подпрыгнуть, повисеть, ветка гнётся, повернуться вполоборота налево-направо, позвонки хрустят, тянутся, тянется подрезанная раной мышца спины...

Я разжала пальцы и приземлилась перед запыхавшимся Кассио.

– А вы что?..

– Еле вас догнал, – сказал он, глотая воздух и слова. – Вы так... быстро... можно мне с вами?

Я рыскнула взглядом, принялась... а вот и телохранители за теми деревьями. Эти не запыхались. Пожала плечами.

– Да пожалуйста... бежим!

Так, вверх, вверх, мышцы немеют, врётся, одолеем... разве ж это горы, чихали мы на такие горы... Где там парень? Пыхтит, и что ему в голову пришло... Хорошо, из уважения к местным обычаям я надела шорты и майку, не оскорбить бы их высочество своей вульгарной

задницей... Ага, здесь овраг, легко, без разбега... прыгнул. Неплохо, но свой темп я уже занижаю. Нажмём!

Вылетев на опушку, я оглянулась. Где он там? Ждать? Наклонилась, опершись о колени и переводя дыхание. Замок – вот он, рукой уже подать... Да где там Кассио? Я прошлась вдоль опушки.

– Кассио!

Зов утонул в тумане, как в вате. Так. Я пригнулась и нырнула назад, под ветки деревьев.

Кассио корчился на траве, хрипя и кашляя. Один их телохранителей поддерживал его, второй что-то негромко говорил в микрофон. Ч-чёрт... Я присела рядом, вглядываясь в пошедшее пятнами лицо парня.

– Что это с ним?

Мы помогли ему приподняться, но он так и остался стоять на четвереньках, хрипя и мотая головой. Звуки рвались из его груди, клокоча и взрываясь где-то внутри, выдох – кашель, до рвоты... Я положила ладонь ему на ключицы.

– Кассио... тихо... успокойся... дыши... вот так... дыши...

Я взлетела в воздух и в сторону, едва не врезавшись в дерево. Вскочила – над принцем склонился Джервек. Со всех сторон сквозь кусты ломались люди. Ну, наконец-то...

– Кассио, – торопливо говорил Джервек. – Сядь. Наклонись вперед. Хорошо. Доктор, быстрее!

Он поднял голову, сказал с яростью:

– Вы что?! С ума сошли?

Кассио вскинул руку, хрипя:

– Не-е... я сам... сам хотел...

– Молчи, – быстро сказал ему Джервек. – Дыши. Вот так.

Я поглядела на сомкнутые над Кассио спины. Хорошо. Ухожу.

Джервек пришёл через несколько часов. Остановился в открытых дверях моей комнаты. Сказал официально:

– Приношу свои извинения. Вы не ушиблись?

Я демонстративно потерла плечо.

– Значит, обвинение в покушении на гаятского принца с меня снято? Извинения приняты. Можете идти.

Он, конечно, не сдвинулся с места. Опёрся рукой о косяк, точно перед ним лежала невидимая граница, которую не следует пересекать.

– Мне действительно жаль, – сказал более мягко. – Я очень испугался за Кассио.

– Как и в прошлый раз?

Джервек смотрел непонимающе. Я слезла с кровати, подошла к нему.

– В прошлый раз. Когда вы меня взяли в плен. Вы тоже испугались – за Кассио?

Он глядел на меня и молчал. Я требовательно ткнула его пальцем в грудь.

– Ну же, Джервек, скажите! Ноль-штрих-один – что это? Вы мне должны, скажите!

Не сводя глаз с моего пальца, нацеленного ему в грудь, Джервек разжал губы:

– Император в опасности.

– А ноль-штрих-ноль? – спросила я, уже зная ответ.

– Император мёртв. Это всё, что вас интересует? – спросил Джервек с досадой.

Я отошла и с ногами забралась на кровать.

– Не всё. У меня много вопросов – почему, когда, как? Но вы же на них не ответите.

Этот его жест я переводила “сожалею, но...” Джервек помолчал и сказал нехотя:

– Пришло сообщение: начался обмен военнопленными. Вылет в столицу в пятнадцать ноль-ноль.

Я подпрыгнула.

– И это сейчас, когда началось самое интересное?

Джервек улыбнулся.

– Оставайтесь, – сказал легко.

Я поглядела с подозрением:

– Что-то вы слишком быстро согласились... Нет уж, домой так домой! Я действительно соскучилась. Вы дадите мне попрощаться с принцем?

– Обратное он бы мне не простил. Собирайтесь.

– Мне очень жаль, что вы улетаете.

– Мне тоже, – искренне сказала я.

Мы стояли на посадочной площадке. Втроём, если не считать стаховских телохранителей – а их за людей и так никто не считал.

– Повар Юджина упаковал вам в дорогу небольшой гостинец. Те пирожные.

Я поглядела на Джервека. Он смотрел на меня – но как бы сквозь. Ветер перебирал его волосы.

– Наверное, уже завтра вы будете дома. Вы рады?

– Да, – сказала я, подумав. Днём раньше мне бы думать не пришлось.

– Ваше высочество, время...

Как там у них прощаются? Принц взял мою руку. Коснулся её губами.

– Я был очень рад познакомиться с вами, леди Маргарет. Джервек много про вас рассказывал, но вы оказались гораздо интереснее. Может, когда-нибудь, когда всё это закончится... Вы повторите ваш визит?

– Ну, если полковник вновь так бездарно замаскирует базу...

– Считаете, это было бездарно? – наконец подал голос Джервек. Солнце било мне в глаза и я сощурилась.

– ...или я так же бездарно попаду ему в плен. До свидания, полковник.

Заложив руки за спину, он молча поклонился.

Земля отпрыгнула от нас, как мячик. Я смотрела вниз. Две крохотные фигурки уходили с площадки. А ты ожидала, что они будут махать тебе вслед мокрыми от слез платками?

Я вжалась в угол – и потому вошедший увидел меня не сразу. Если бы у него были не такие зоркие глаза (или мне повезло больше), он бы вообще меня не заметил.

Но мне не повезло.

Мы застыли – каждый на своём месте. Я боялась не то что перевести дыхание – моргнуть, а неподвижность всё длилась и длилась, и мало-помалу до меня начала доходить вся абсурдность ситуации: Пёс и гаят смотрят друг на друга сквозь прорезь прицела, и оба живы, оба всё ещё живы...

– Так, – сказал он, и я всё-таки вздрогнула, но курок, к счастью, не нажала. – Этого-то я и боялся.

Я опустила бластер, ощущая не облегчение – усталость. Сказала вяло:

– Я тоже очень рада видеть вас, полковник.

Попыталась сесть поудобнее и невольно охнула. Джервек закрыл дверь. Вспыхнул свет, я сощурилась. Джервек изучающе осмотрел меня, как бы сверяя со своими воспоминаниями. Перекинул оружие на плечо, огляделся по сторонам и сказал нехотя:

– Вы ранены.

Факт был очевиден, и я не собиралась его оспаривать. Прислонившись затылком к стене, устала снизу на Джервека. В жизни не видела более задумчивого человека.

Наконец он зашевелился. Протянул руку.

– Дайте сюда бластер.

– Э-э-э... зачем?

– Мне спокойнее, когда он у меня.

– Мне тоже – когда у меня, – пробормотала я, но бластер отдала. Скорее всего, он меня не пристрелит, как раненную лошадь – во всяком случае, сейчас.

– Что с ногой?

Я сморщилась.

– Слишком быстро бежала, устала... что вы делаете?

– Пытаюсь взять вас на руки... если вы не будете так пихаться.

Я вздохнула, обхватила его за шею.

– Смотрите, это может войти у меня в привычку. Стану ручной.

– Лучше бы вы стали домашней, – сказал он сквозь зубы. – Сидели бы себе дома, рожали детей, дрессировали собак...

– Учила, – поправила я. – Псов не дрессируют, а учат. А детей...

Джервек слегка встряхнул меня.

– Замолчите. Из-за вас я ничего не слышу.

– И слушать нечего, – сообщила я. – В этом блоке никого кроме нас.

– Хорошо, – он открыл ногой дверь, вышел в коридор и, помедлив, пошёл налево. Уткнувшись носом ему в шею, я смотрела назад.

– У вас нет собак?

– Нет... а что?

– След.

Он оглянулся и, невнятно сказав что-то, остановился. За нами тянулась ниточка красных капель.

– Некогда было перевязать, – извиняюще сказала я. – А куда вы меня, всё-таки, несёте?

Джервек перехватил меня поудобнее. Промолчал.

– Я вообще-то в тюрьму могу пойти и пешком, не торопясь...

– Заткнитесь, а? – злобно сказал Джервек, пинком открывая дверь. Поражённая его грубостью, я примолкла – на мгновение. Джервек усадил меня на откидную койку. Я огляделась, потирая ногу.

– Это мы где?

Не отвечая, он рывком распечатал аптечку.

– Закатайте брюки.

В ботинке хлюпало. Я стянула его, закатала штанину. Джервек присел на корточки, разглядывая рану. Он медлил, и я попыталась его успокоить:

– Это только с виду страшно. Боли я не чувствую. Почти.

Он обработал рану быстро, умело, без особой бережности, но тщательно. Спросил, вытирая руки об остатки пластыря:

– А вы не можете сами полечить... как тогда?

Я поморгала, тряхнула головой. Судорожно зевнула.

– Не сейчас... я полежу немного, хорошо?

Джервек сидел, откинувшись головой на спинку кресла. Казалось, он спит. Но едва я шевельнулась, полковник открыл глаза. В комнате царил полумрак.

– Сколько...

– Вы спали час, – он подумал и уточнил. – И семь минут.

Я потёрла лицо и села. Джервек выпрямился, положив руки на стол. Мы заняли позицию для переговоров. И, похоже, переговоры обещали быть нелёгкими.

– Не ожидала, что вы здесь будете.

– Я и не должен был. Прибыл только вчера.

– Да, наша разведка не на высоте...

– Ключ у вас?

Я моргнула.

– Какой?

Джервек вздохнул.

– Не заставляйте себя обыскивать.

Я заинтересовалась.

– Будете это делать сами?

Джервек сказал сдержанно:

– Я могу пригласить женщину со вспомогательной службы.

– Тогда почему вы до сих пор этого не сделали?

Джервек посмотрел на свои руки. Пауза всё длилась, и я осторожно спросила:

– У вас ведь не расстреливают пленных?

– Пленных – нет, но диверсантов... Правда, вы женщина, но...

Он снова замолк.

– Но всё когда-то бывает в первый раз, – закончила я. – Похоже, я создам прецедент?

– Какова была цель вашей вылазки?

Я, кряхтя, опустила ногу на пол. Подошва распухла, как подушка.

– Вы ответите на вопрос?

– А вы бы ответили, полковник?

Он с силой потёр лицо.

– В конце концов, мы всегда можем прибегнуть к химии. У вас ведь наверняка нет блока?

Я кивнула.

– Нет. Но действие химических препаратов на Псов... э-а-у... людей моей расы до конца не изучено. Разве что вы захотите всесторонне исследовать этот процесс, – нерешительно предположила я, от всей души надеясь, что Джервек – не сторонник медицинских опытов. Полковник выглядел усталым. Принесло же его на мою голову! Хотя, возможно, иначе меня бы уже не было в живых...

– А давайте на этот раз я возьму вас в заложники? – полусерьёзно предложила я. – Приставлю бластер к вашему затылку, и мы промаршируем через базу к выходу.

Джервек поглядел на меня, как на чокнутую, но не удержался от вопроса:

– И что?

Я скромно пожала плечами.

– Ну, как бы то ни было, мы будем квиты.

– Не переживайте, вы и так со мной расквитались. Сполна, – буркнул Джервек.

Я вытаращила глаза:

– Это когда же?

– И, кроме того, у вас ничего бы не получилось – при всех ваших пёсьих штучках, – он мотнул головой, и я увидела разложенные на столе мои вещи – бластер, разрядник, нож, сетку...

– Вы всё-таки обыскали меня. Спящую.

– Бодрствующая вы бы мне это вряд ли позволили.

Я с трудом поднялась, перенося вес тела на здоровую ногу. Поглядела на дверь. На Джервека.

– А что, если я... – сказала медленно, – просто сейчас выйду и уйду отсюда? Да, Юджин? Просто уйду.

Он молча смотрел на меня – глаза сужены, рот сжат, свет настольной лампы резко очерчивает лицо.

– Я пойду? – я сделала осторожный шаг. Джервек молчал – и, понимая уже, что означает это молчание, я всё-таки шагнула ещё, протягивая руку к двери.

– Стоять, мастер-инструктор.

Голос был негромкий. Я взялась за ручку.

– Стоять.

– Вы ведь не убьёте меня, правда, Юджин? – спросила я, не оборачиваясь; пальцы сжались на гладкой ручке, не спеша и не медля...

– Стоять, – сказал он снова – безо всякой интонации, но холодок пробежал у меня по позвоночнику. Я медленно оглянулась и увидела нацеленный на меня бластер. Мой собственный бластер.

Всего секунду назад я верила, что он меня не убьёт...

– Три шага назад, – сказал Джервек. – Сядьте на койку.

Я шумно выдохнула и рассмеялась:

– Ну что ж, попытка – не пытка!

Поволоклась обратно – интересно, каким это образом я собиралась выбраться с базы? Ползком, что ли? Из меня словно разом выпустили весь воздух.

Бластер опять улёгся на стол между ладоней Джервека. Джервек провёл по нему пальцами, точно стирая невидимую пыль – раз, ещё раз. Я привалилась спиной к стене. Нужно что-то решать – и не мне, а моему любимому врагу. Он не может меня отпустить и пока не хочет отдавать своим соратникам. Но не будет же он вечно держать меня здесь? Лично я бы не возражала – всё лучше камеры для допросов. Хотя крупномасштабные военные действия были прекращены, стороны всё равно предпринимали такие вот мелкие вылазки – командование с обеих сторон делало вид, что ничего об этом не знает. Интересно, обменивают ли военнопленных по второму разу? Или это процедура одноразовая и к злостным рецидивистам неприменима?

Джервек поднял голову, разглядывая низкий потолок. Сказал – как-то нехотя:

– Не помню, говорил ли я, что члены моей семьи обладают правом неприкосновенности? Лишь сам император может арестовать нас, заключить в тюрьму или приговорить к смертной казни.

– Ну надо же, – с уважением отозвалась я. – А ваш Кассио не может меня немного... а-а-у... удочерить? Хотя бы на время?

Джервек закинул руки за голову.

– Наверяд ли, к сожалению. Зато вы можете выйти за меня замуж.

У меня отвисла челюсть. Пока я пыталась с ней справиться, смогла выдать только:

– А... о... у...

Челюсть встала на место, а я уставилась на Джервека. Лицо его было безмятежным.

– Что? – спросила я. – Что я должна сделать?

– Не должны, – заявил Джервек потолку, – МОЖЕТЕ.

Подумал и добавил:

– Хотя бы на время.

– А нельзя ли, – пробормотала я, – как-то... обойтись без жертв?

– Кого из нас вы считаете жертвой?

– Вас. Прежде всего. Насколько я знаю обычаи гаятов, семейные узы для вас священны. И идти на... а-у-у... подлог...

– Ничего страшного, – серьёзно сказал он, – с муками преступной совести я как-нибудь справлюсь. Что-нибудь ещё?

– А как ваши соотечественники отнесутся к тому, что вы берете в жены врага? У вас могут быть неприятности...

– Мы создадим прецедент, – с удовольствием пообещал Джервек. Он, наконец, соизволил открыть глаза и теперь, склонив голову набок, разглядывал меня. Спросил – с явным сочувствием:

– Вы можете предложить иной выход?

Мозги у меня обычно работают хорошо. Но сейчас, как бы я лихорадочно не перебирала варианты, мысли всё равно возвращались к неожиданному предложению. Разве что здесь вдруг объявится Мастер со стаей... Но Мастер пока не торопился.

– А может, я просто посижу у вас здесь... до конца переговоров?

Он даже не обратил внимания на мой “вариант”. Я вздохнула.

– И как же вы собираетесь прокомментировать эту вылазку? Как наше с вами любовное свидание?

– Никак. Я ничего не собираюсь им объяснять. А допрашивать мою невесту они просто не посмеют.

– А если вас спросит ваш император?

– Ему я скажу правду.

Правду... какую? Почему мне кажется, что он потаённо улыбается – не мне, своим мыслям? Я осторожно спросила:

– А МНЕ вы скажете правду?

Он поднял брови в молчаливом вопросе.

– Зачем вы это делаете? Конечно, это очень благородно, и я благодарна вам, но... Возможно, вы чувствуете ко мне симпатию или считаете себя моим должником, или используете этот союз ещё как одно средство в переговорах...

Я замолчала. Джервек не сводил с меня глаз.

– Всё это вместе. Но решать вам. И решать надо быстро. Сюда идут.

Я и сама слышала приближавшиеся шаги – размеренные спокойные шаги человека, идущего по важному, но не слишком спешному делу.

– Они знают, что я у себя, что я жду доклада, – говорил Джервек всё быстрее. – И я не собираюсь притворяться спящим. Вы сами выбираете свой статус – пленной или моей невесты. Решайте, Мэг.

Я хмуро взирала на него. Сама, как же! Нож к горлу – выбирай, резать или как?

– Но мы не успели обговорить...

– Обещаю, что обращаться с вами будут лучше, чем в военной тюрьме, – почти улыбнулся Джервек. Шаги стихли у дверей. Приглушенный кашель, короткий вежливый стук. – Ну же!

Я резко кивнула – с чувством, что сама за собой захлопываю дверь ловушки – и в следующий миг Джервек сказал:

– Войдите!

Офицер, перешагнувший порог, собирался доложить; глаза его расширились, рука метнулась к кобуре.

– Спокойно, капитан!

– Что... как... Сэр?!

– Разрешите представить, – церемонно сказал Джервек. – Мой помощник, начальник базы капитан Ольсен. Маргарет Рейнан, моя невеста.

Взгляд Ольсена ошалело метался по моей форме, моему лицу, пустой кобуре, переходил на невозмутимое лицо командира и вновь возвращался ко мне.

– Но сэр... но она... она ведь...

– Да, к сожалению, Маргарет служит в войсках нашего противника. Служила, – поправился Джервек. Чёрта с два, подумала я и улыбнулась.

– Очень рада с вами познакомиться, капитан Ольсен.

Я стояла, перенеся вес тела на здоровую ногу: без одного ботинка, с задранный окровавленной штаниной, распухшей перевязанной лодыжкой, засунув пальцы за ремень пёсей формы, и надо думать, выглядела достаточно сексуально и элегантно для будущей леди Джервек. Полковник посмотрел на мою кривую улыбку, сказал поспешно:

– Моей невесте требуется медицинская помощь. Вызовите базового врача.

– Но сэр... – с трудом отозвался Ольсен, не сводя с меня зачарованных глаз. – Я шёл доложить вам, что мы не можем найти ни следа Бойцовых Псов в окрестностях базы.

Я мило улыбнулась.

– След, как видите, остался. И ещё какой. Дорогой, капитан думает, что вы сделали мне предложение под дулом бластера... Знаете, Ольсен, всё было в точности до наоборот...

– Выполняйте приказ, капитан!

– Но сэр... вы же знаете, я обязан об этом доложить!

– И по всей форме, капитан. А сейчас – идите и пришлите, наконец, врача!

Ольсен кинул на меня последний отчаянный взгляд – и вылетел за дверь. Я рухнула на койку.

– Все ваши подчинённые начинают с этого “но, сэр”?

– У вас есть время связаться со своими, Мэг, – заметил Джервек. Так, а где же «мастер-инструктор» или «мэм»? Я прижала микрофон к гортани.

– Джоди... Да, я. В норме. В гостях у старого знакомого. С Мастером свяжусь. Уходите.

Я опустила руку и поглядела на Джервека.

– Не засекли? Наш свадебный эскорт убыл, что дальше?

Джервек потёр щёку, но промолчал, услышав тяжёлый топот в коридоре. В распахнутые двери ворвались двое медиков и забывенный капитан Ольсен. Джервек показал на меня.

– Вот ваша пациентка, лейтенант.

Тот вытаращил на меня глаза.

– Но сэр...

– Так-так-так, – сказала я. – А я-то гадала, где у вас центр связи?

Джервек молча кивнул мне, приглашая войти.

– ...и ваш поступок, – доносилось с экрана, – представляется нам в высшей степени мужественным и очень своевременным. Отдаем вам должное, лорд Джервек.

– Благодарю, – отозвался тот сухо. – Думаю, на сегодня достаточно. Предоставьте данные завтра к девяти ноль-ноль. Присаживайтесь.

Я поняла, что последнее указание относится уже ко мне, и села в кресло. Джервек кинул беглый взгляд на мои ноги.

– Как вы меня нашли?

– По запаху.

Я заметила камеру наружного наблюдения: чёрта с два я бы сюда вошла, если б он этого не захотел.

– Отсюда вы и руководите переговорами?

– Почему вы решили, что я ими руковожу?

Я склонила голову набок. Мелькнула мысль – ещё не женаты, а уже перенимаю его привычки... Джервек помедлил и сказал:

– Я не руковожу. Я со-координатор.

– А за что это вас так славословили? Уж не за то ли, за что меня сегодня перевозносил наш военный секретарь?

Я крутилась в кресле. Джервек вновь посмотрел на мои ноги и сказал:

– Вас это тоже раздражает?

– Когда тебя со всех сторон хвалят и поют дифирамбы, поневоле начинаешь чувствовать, что совершил ба-альшую глупость. Представляете, – пожаловалась я, – они даже присвоили мне внеочередное звание! В качестве компенсации морального ущерба, наверное... Что? Что не так с моими ногами?

– Что это на вас надето? – спросил Джервек холодно.

– Вам же не нравился мой комбинезон? Это шорты.

– Шорты?

– Ну да, – я закусила щёку, чтобы не улыбаться. – Знаете, такие короткие брюки.

– Это скорее очень короткие шорты... У нас не принята такая форма одежды для женщин.

– Да? – я вытянула ноги, придирчиво их рассматривая. Вроде не кривые. – Зря. Вам неприятно видеть мои ноги?

– Наоборот, даже слишком приятно, – сдержанно сказал Джервек. – Как, впрочем, и всему базовому составу.

Я поджала под себя красивые ноги. Склонила голову набок, изучая непроницаемое лицо своего любимого врага.

– Джервек?

– Юджин, – поправил тот. – Что?

– Это похоже на ревность.

Он поморщился.

– Бога ради, Маргарет! Просто как моя жена вы должны соблюдать определённые правила поведения...

Я уныло кивнула.

– Я не знала, на что даю согласие.

Пауза. Джервек не сводил с меня глаз.

– Для вас брак со мной хуже тюрьмы?

Я длинно вздохнула и упёрлась подбородком в спинку кресла.

– Маргарет, – осторожно спросил Джервек. – Но я, по крайней мере, не... воняю?

Я улыбнулась – креслу.

– Наоборот.

Сказать, что Кассио сбежал нам навстречу с лестницы, будет неверно: он буквально скатился, сияя полуденным солнцем.

– Леди Маргарет! Я так рад! – он схватил мою руку, быстро поцеловал и, не отпуская, повернулся к Джервеку. – Вот видишь, я же говорил...

Я не успела спросить – что, как Кассио закричал:

– Нельзя! Нельзя, назад, я сказал!

Я отпрянула, чтобы не столкнуться с атакующим меня центнером мышц, зубов и когтей. Ухватив гончую за жёсткий загривок, приподняла, резко встряхивая и приговаривая в такт:

– Попробуй... ещё... раз... меня... тронуть!

Очутившаяся на земле собака вякнула, присела на все четыре лапы, ошалело тряхнула головой и, быстро-быстро убежав за спину Кассио, осторожно зарычала на меня из этого безопасного укрытия.

– Подросла, – заметила я.

– Кассио... – неприятным голосом начал Джервек.

– Я не знал, – испуганно сказал тот. – Я не думал, что она нападёт на леди Маргарет!

– Мэг, – поправила я. – Не волнуйтесь, Джервек. Она попытается ещё раз напасть, но где-то через полгода. Сейчас я её сильнее.

Джервек потер подбородок. Сказал сквозь зубы:

– Эти полгода она не проживёт, обещаю.

Я укоризненно взглянула на него.

– Кассио, если хотите, чтобы она вас слушалась, подавайте команды более низким голосом.

– Я испугался, – оправдываясь, сказал Кассио, машинально трепля гончую по холке – та довольно жмурилась. Она уже начала темнеть, к году будет совершенно чёрной, останутся только белые круги вокруг глаз.

– Ну, теперь дрессировка собак на Гранде шагнёт далеко вперед, – полусердито-полусмеясь заметил Джервек.

– И кое-кого из людей – тоже, – пробормотал Кассио.

– Миледи, – сказал охранник, указывая на мой бластер. – Это вам придется оставить здесь.

– С какой стати? – удивилась я. – Вы же при оружии?

Охранник преградил мне дорогу.

– Миледи, прошу вас, оставьте бластер, иначе я вас не пропущу.

Я торжествующе огляделась:

– Всё отменяется! Меня не пускают на собственную свадьбу! – и радостно повернула обратно.

Секретарь вцепился в меня. И без того встрепанный и взмокший, он сейчас напоминал голодную собаку, у которой выдирают драгоценную косточку.

– Миледи... капитан... прошу вас, сдайте оружие. Вам, как жене полковника Джервека, полагается охрана.

– Эта охрана появится у меня только сегодня, а с моим бластером я уже давно знакома. Как думаете, кому я больше доверяю?

– Ну ладно, – сказал Мастер добродушно. – Хватит баловаться. Иди, не трать!

Я тоскливо вздохнула, отдала бластер охраннику – тот принял его с явным облегчением – и обречённо переступила порог. В глаза сразу бросилась обособленность трёх групп: в центре несколько беседующих высокопоставленных чинов, у одной стены – гаяты рангом пониже, у другой – наши. Боевая слава Псов, обросшая кучей легенд и вымыслов, сослужила сейчас плохую службу: кроме Мастера и Зака на Гранд никого не пропустили.

При виде нас народ оживился: кто-то пошёл навстречу, кто-то сдвинулся с прохода. Генерал Лекруа протянул мне руку.

– Капитан Рейнан, рад вас видеть. Вы выглядите великолепно!

– Спасибо, я знаю, – скромно ответила я, опираясь о его локоть. Слева шел секретарь-полковник, тылы прикрывали веселившиеся Мастер с Заком. Мой жених со-друзи ждал нас в конце зала: как обычно, в чёрной форме, правда, с серебряными обстрочкой и позументами – и тоже с полным иконостасом на груди и шее. Всегда учтивые и церемонные гаяты сейчас вытягивали шеи, разглядывая меня и мои ордена. Друзья, переминавшиеся и перешёптывающиеся, при нашем приближении смолкли, принимая стойку “смирно” по-гайтски, что напомнило мне футбольную “стенку”. Я невольно улыбнулась. Джервек тоже улыбнулся в ответ (надо сказать, довольно нервно), отвёл локоть, принимая мою руку, как драгоценную посылку. Я перехватила его косой взгляд, брошенный на мою грудь – к сожалению, он изучал не её форму, а то, что на неё нацеплено.

– Не знал, что вы участвовали в боях за Трон, – пробормотал он. Я ответила ему таким же взглядом.

– Вы многого обо мне не знаете... А... и вы?

– Разнесли планету на атомы, и каждая сторона считает это своей победой. Н-да, странно, что мы встретились только сейчас.

– Слава вашему богу, что только сейчас. Иначе бы мне не с кем было сочетаться браком.

– Или мне...

– Его высочество, господа!

Военные с обеих сторон вытянулись в струнку. Явился Кассио – красная парадная форма оживляла его бледное лицо. Он пожал руку Джервеку, церемонно поцеловал мою. Произнёс несколько подобающих случаю слов. Тон был официально-торжественным, но я чувствовала, что он единственный из всех присутствующих искренне рад нашей свадьбе.

Брачный обряд я ночью вызубрила наизусть – самое трудное было сохранить подобающую случаю серьёзность. Когда я уже собралась вздохнуть с облегчением, герольд торжественно завопил:

- Её величество императрица, господа!

Локоть Джервека под моими пальцами напрягся. В зале пошло движение. Встал и принц. Я с любопытством уставилась на экран: видела императрицу впервые. Длинное лицо, холодное и бледное. Тёмные глаза, слишком яркие для такой белой кожи, тёмные, словно подведённые брови и совершенно белые волосы, укрытые сеточкой с драгоценными камнями. Руки сложены на животе – красивые белые руки, туго стянутые на запястьях чёрным кружевом рукавов.

– Ваше высочество...

Мать с сыном обменялись церемонными поклонами. Взгляд императрицы устремился на Джервека.

– Ваше величество, – в свою очередь пробормотал мой муж, низко склоняя голову. Я опять попыталась изобразить свой знаменитый военный реверанс, чем на секунду привлекла к себе внимание матери-императрицы – но вряд ли он рассмешил её, скорее оскорбил. Её зоркие глаза скользнули по мне с... с? с отвращением? На таком расстоянии я не могла уловить её эмоции, выражение вышколенного лица осталось прежним, но я была готова поклясться, что именно так.

– Лорд Джервек, – звучно произнесла императрица. – Мы поздравляем вас с вашим бракосочетанием и, хотя это произошло так неожиданно и вопреки нашим обычаям, мы всё же выражаем надежду...

Речь лилась ровно и плавно, без малейшей запинки и малейшей интонации, и я вскоре перестала вслушиваться. Джервек стоял, опустив ресницы – такое спокойно-почтительное лицо и такое напряжение во всём теле... Я покрепче ухватила его локоть. Императрица снова, как бы нехотя, перевела глаза на меня. Сказала с холодной учтивостью:

– Надеемся, ваша жена сумеет оценить вас по достоинству...

– Уж не сомневайся, дорогая, – сказала я сквозь зубы. Августейшая мать не расслышала, но переспрашивать, разумеется, не снизошла. Царственный кивок – и моя новая командорша растаяла в темнеющем серебре экрана.

– Ну, это всё? – спросила я. – Представление закончилось?

– Частично, – отозвался Джервек. – Пойдёмте.

Взяв меня под локоть, не переставая кивать и коротко улыбаться на поздравления встречающих, он увёл меня на второй этаж. Я осмотрела нарядную комнату с очень просторной кроватью. Вопросительно глянула на мужа.

– Брачная ночь у вас начинается сразу после церемонии?

– Н-нет, – отозвался Джервек. – Нет, ещё будут танцы... и праздничный ужин.

Я с сожалением вздохнула:

– Я бы предпочла другой порядок!

Проигнорировав моё замечание, он шагнул к кровати.

– Её величество прислала вам свадебный подарок. Платье.

Засунув руки в карманы, я серьёзно рассматривала это... произведение искусства. Зелёный... шёлк? шёлк, без сомнения... полупрозрачные кружевные вставки, блеск мелких изумрудов, раскинутых по вороту и обшлагам длинных рукавов.

– Хотите, чтобы я надела ЭТО?

– Вы уже достаточно запугали своим мундиром моих соотечественников. Снимите, пожалуйста, пёсью форму и наденьте платье.

– Чтобы продемонстрировать уважение к императрице? – я скользила пальцами по шёлку - нежен, как щека ребёнка...

– Прислать вам горничную?

– Да уж разберусь, где перед, где зад, – буркнула я. – Только не гарантирую, что смогу в нём двигаться.

Он машинально бросил взгляд на мои высокие ботинки, и я злорадно ухмыльнулась:

– Допустим, наступлю на подол, шёлк – ткань нежная...

– Вы справитесь! – пообещал Джервек, скрываясь за дверью.

Я критически осматривала себя в зеркале. Шёлк обтягивал тело, как вторая кожа – прохладная, мягко сияющая. Услышав короткий стук, сказала: “Войдите”, и повернулась боком, оглаживая платье по бёдрам. Перехватила в зеркале взгляд своего нечаянного мужа.

– Так, – сказал он через паузу задумчиво. – И куда же мы будем сваливать бездыханные тела?

Я провела рукой по груди.

– Судя по фасону, вы выбираете себе жён, как наши крестьяне коров – по вымени?

Несчастный секретарь, похоже, вознамерившийся пасти меня до самой брачной постели, в отчаянье воздел руки. Джервек прикусил губу. Скользнул деликатным взглядом по глубокому вырезу платья и сказал сдержанно:

– Отчасти. Вы готовы?

Я последний раз бросила взгляд в зеркало и опять не нашла в себе особых изменений. Я и так всегда выглядела великолепно.

Мы ненадолго задержались наверху лестницы, чтобы дать гостям полюбоваться столь красивой парой, и торжественно сошли вниз. Мастер оглядел меня медленно с головы до ног; встретившись со мной глазами, широко улыбнулся.

Джервек обнял меня за талию. Я запоздало предупредила, что не умею танцевать.

– Ничего, – успокоил меня муж, – вы солдат опытный, справитесь. Это не ваш Мастер отвесил вам сейчас комплимент?

– Да, а... – я поглядела на него. – А как вы?..

Он улыбнулся уголками губ.

– Уж мужские мысли мне читать нетрудно. Вы хорошо двигаетесь.

– Да и вы неплохо.

Мы чутко улавливали малейшее движение друг друга, руки его не были ни холодными, ни безразличными, глаза казались тёмными – и тёплыми...

Где-то я слышала, что пары, хорошо понимающие друг друга в танце, не менее приятно проводят время и в постели, но воздержалась от приведения этого высказывания – пусть, если хочет, сам читает мои мысли.

Джервек медленно улыбнулся.

– Знаешь, – сказал пригласивший меня на следующий танец Мастер, – я подумываю ввести такую форму одежды для Псов. Во всяком случае, для женской половины. Правда, парни будут отвлекаться...

Я засмеялась:

– И противник – тоже! Еще одно секретное оружие Бойцовых Псов!

– Ты никогда, – Мастер ловко повернул меня, – не жалела об упущенных возможностях?

Я пожала плечами.

– Нет. Почти никогда. Так уж получается, у меня всегда есть то, чего я хочу.

Мастер хмыкнул:

– Интересный парень, но если он тебе поднадоеет или тебе здесь станет плохо, помни – Псы своих не бросают.

– Мастер, – оскорблённо сказала я. – Ты что, думаешь, я этот брак сама подстроила?

– Нет. Ты просто ловишь возможности. А я... – снова поворот, – ...их упускаю. Старею, наверное.

Я с интересом следила за ним в зеркале – Джервек вошел осторожно, словно опасаясь кого-то разбудить. Прошёлся по спальне, заложив руки за спину; остановился у окна. Из полуоткрытой створки потянуло ночным ветром, сдувая прядь волос, упавшую на лоб. Некоторое время сосредоточенно смотрел в ночь – лицо его было настолько спокойным, что казалось напряжённым. Ресницы дрогнули, опускаясь, а когда поднялись вновь, Джервек смотрел на меня.

– Хотите, скажу ваш текст? – быстро предложила я. – В связи с тем... а-у-у... мэм... что вы приняли моё предложение под давлением обстоятельств, угрозы для жизни, и наш брак – фикция – не поступить ли мне благородно и, не посягая на вашу честь и вашу половину кровати, провести эту ночь в покое и одиночестве?

Я выпалила всё это, глядя в его зеркальные глаза – и видела, как они теплеют. Джервек склонил голову набок, как бы всерьёз обдумывая мои слова. Медленно обогнув гигантскую кровать, остановился у меня за спиной. Осторожно провел ладонью по моему стриженому затылку, я

поёжилась от удовольствия. Не сводя глаз с него в зеркале, спросила негромко:

– Я угадала?

Джервек медленно улыбнулся – своему и моему отражению. Ответил моими словами:

– Чёрта с два!

Мы лежали, прижавшись друг к другу, я – лицом к окну, в которое проникал лунный свет. Славные ночи на этом Гранде, почти такие же, как на Чандлере. Обнимавший меня мужчина молчал, дышал ровно и тихо, но я знала, что он не спит. Джервек потерся губами о мой затылок, и я вновь поёжилась.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– А ты ведь действительно хотел сказать что-то подобное?

Джервек помолчал.

– Да. А потом посмотрел на тебя... и понял, что это – глупость, которую я никогда не совершу.

– Попробуй только сказать, что ты об этом пожалел! – поддразнила я.

– Нет. А ты?

– Нет. Тебе ничего не надо объяснять.

Его руки заскользили по моему телу.

– Тогда позволь ещё раз... ничего не объяснять.

Охотно переворачиваясь, я ухватила зубами раскачивающийся надо мной солдатский медальон на тонкой, но прочной цепочке. Джервек тихо засмеялся.

– Мы не расстаемся с ними, да? – его пальцы скользнули по моей шее, дотронулись до моего медальона.

– Юджин...

– М-м-м?..

– Такие бои мне больше по душе.

– Мне тоже.

К сожалению, в наш медовый месяц нас никак не оставляли в покое. С утра Юджин был занят совещаниями и координацией деятельности различных ведомств и подразделений, занимавшихся почётной сдачей Гранда. Вникать я не пыталась, потому как на самом деле меня это не особенно интересовало. Ясно, что побеждённые пытаются побольше выторговать, а победители – поменьше пообещать. Гораздо больше меня заботил мой новый статус молодой жены. Сама идея любить если не всю жизнь, то хотя бы значительную её часть лишь одного мужчину была для меня новой и, как ни странно, привлекательной...

Жизнь текла размеренно, но пока нескучно. Вплоть до самого обеда мы с Кассио были предоставлены сами себе – и друг другу. Парень охотно стал моим гидом в истории и обычаях гаятов, а также пытался

посвятить меня в тонкости дворцовых церемоний. Боюсь, его коробило то, что я находила большую часть из них довольно глупыми и смешными, но Кассио не из злобных, и вскоре сам от души веселился, когда я пародировала какие-либо слова и телодвижения царедворцев. Ему ведь никогда не приходило в голову взглянуть на обычаи гаятов со стороны.

После обеда, который я, памятуя о базовых пайках, всегда находила восхитительным, Кассио под неусыпным надзором медиков отправлялся спать, а мы с Юджином урывали время друг для друга – но его всегда не хватало...

Я решила считать себя полноправным членом семьи и на том основании принялась изучать её историю. Оказалось, что род Джервеков идёт от одной из семей поселенцев, колонизировавших Гранд, и потому считается одним из самых уважаемых и чистокровных родов Империи. Из него вышло изрядное количество известных политиков и военных – достаточное, чтобы подтвердить славные традиции предков. Видное место занимал и отец Юджина лорд Кальвин Джервек – пока, однажды, прервав внезапно взлёт своей карьеры, он не оставил политику в совсем ещё молодом возрасте и не удалился в своё владение, занявшись земледелием – и сыном. Да, как раз с рождением Юджина...

Забывая о времени, я рылась в тетрадах, блокнотах, книгах: записи велись по старинке письменностью, единственной уступкой времени было употребление не бумаги, а негораемого материала, стилизованно, под старину, сшитого по краю. Однажды я наткнулась на дневник Кальвина Джервека. Первая страница повествовала о том, что отец приказал ему вести записи, чтобы оставить след своей жизни в семейной летописи. Тогда ему было... дайте-ка взглянуть... ага, около шести. Я листала страницы, прослеживая дни, каждый из которых казался мальчишке событием. Первый раз взяли на ярмарку в столицу. Первый пони. Охота на уток. Посещение Веймарского леса. Драка с деревенским парнишкой... Потом начали встречаться страницы, зашифрованные самодельным кодом – я некоторое время наслаждалась, представляя, как наши дешифровщики ломают код, – и получают подробное описание подростковых сексуальных опытов...

Учёба в университете. Работа в министерстве. Первые полёты на планеты, с которыми у Гранда были завязаны дипломатические и торговые отношения...

Стилю Кальвина не хватало ни живости, ни остроумия. Просто добросовестное описание событий – как отчет о проделанной работе. Лишь раз в дневнике появилась запись, которую можно отнести к проявлению чувств, удивительному у такого педантичного и ответственного человека: «Сегодня начался Карнавал. Я представлен принцессе Марии. Она...

...прекрасна».

Я быстро перелистнула страницу и обнаружила запись, сделанную год спустя. «Замок Джервеков. Погода обещает хороший урожай шипара. У сына повысилась температура. Врач, вызванный из города, уверяет, что всё в порядке. Обычная младенческая реакция на перемену в пище».

Я вернулась обратно, исследуя переплёт. Несомненно, здесь были записи, и довольно многочисленные, тщательно удалённые чьей-то рукой. Где они сейчас? Кальвин явно не доверил их своему детскому шифру, да и тайному сейфу – тоже. Наверняка они нашли свой конец в пламени камина... хотя, что это я, ведь эта бумага не горит. Ну ладно, представим не столь красивый, но всё же вполне вероятный конец – уничтожение с помощью какой-нибудь кислоты...

– У нас говорят – любопытна, как кошка, – негромко произнесли у меня за спиной.

Вздвогнув, я обернулась и улыбнулась своему мужу.

– А у нас – любопытство пса сгубило...

– Это так интересно, что ты даже не слышала моих шагов?

Я показала ему дневник лорда Кальвина, хотя он и без того понял, что у меня в руках.

– Думаю, ты не рассердишься.

Вернее, я надеялась на это. Юджин казался скорее озабоченным, чем рассерженным.

– Ты в детстве был таким забавным! Ты знаешь, что вместо «колготки» ты говорил «ковботки»? Твой отец записывал все твои выражения. Наверное, он очень любил тебя?

– Наверное. Не знаю. Мы никогда не говорили об этом.

И о многом другом – тоже? Интересно, когда Юджин начал задавать вопросы и какие получал ответы? Я помахала перед его лицом дневником Кальвина.

– Глупый. Про любовь совсем не обязательно говорить. Ты когда-нибудь перечитывал его дневник?

– И не раз.

– Не против, что я взяла его без спросу?

Я пару раз взмахнула ресницами. Получилось у меня удачно – Юджин явно смягчился. Тем не менее, он помедлил, прежде чем ответить:

– Нет. Я думаю, ты имеешь на это право.

– А имею ли я право взглянуть на твой дневник? – спросила я игриво.

– Ты ведь тоже вёл его, так? С самого детства?

Юджин глядел растерянно. Забавляясь, я увидела, что на его щеках проступает тёмный румянец. Интересно, использовал ли он шифр, как его отец? Муж ответил поспешно:

– Я не был таким организованным. Это совсем неинтересно.

– Напротив, даже очень, – вкрадчиво сказала я, двигаясь к нему поближе. – На самом деле меня интересует, есть ли там записи обо мне. И какие именно.

– Есть, – сказал он, помедлив. – Но, если можно, – не сейчас. Попозже. Когда ты... поживёшь со... здесь подольше.

Я без труда расшифровала: когда я смогу тебе больше доверять. Как же людям дороги их маленькие тайны, их мысли и чувства! Словно я могу навредить ему – это я-то!

Я с некоторым сожалением закрыла дневник Кальвина.

– Думаешь, он одобрил бы твой поступок? Я имею в виду – женитьбу на мне?

Юджин ответил честно:

– Наверяд ли. Но он... понял бы.

– А императрица была просто оскорблена, – поддразнила я его. – Она считает, ты заслуживаешь лучшего, чем какой-то беспородный Пёс.

– Не какой-то, – пробормотал он, обнимая меня, – а настоящий мастер-инструктор Бойцовых Псов. И вообще, плевать, кто и что о тебе или обо мне думает!

– Рада слышать, что ты теряешь хоть каплю своей высокой ответственности, – сказала я, обхватывая его ногами. – Сказывается моё благотворное влияние... А знаешь, в этих юбках что-то есть. Очень удобно...

– Здесь? – спросил Юджин, опёршись о стол рядом с моими бёдрами. Его потемневшие глаза неотрывно смотрели на меня, дыхание со свистом вырывалось из груди.

– Скажи, что не хочешь, – поддразнила я, растёгивая его рубашку, и скользя ладонями по вздрогнувшим горячим бокам. – Не здесь. Не сейчас. Не со мной. Что молчишь, полковник?

Он по-прежнему молчал, но начал действовать, и всё шло прекрасно и закончилось бы тоже прекрасно, если б не...

– Господин полковник!

Юджин замер и тихонько зарычал мне в ухо.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – сказал он с отчаяньем.

Голос послышался ближе:

– Господин полковник, где вы? Её величество императрица хочет переговорить с вами! Господин полковник!

– Легка на помине, – недовольно сказала я. Джервек отстранился, приводя в порядок одежду – свою и мою, потому что я совсем не спешила это делать.

– Я... – сказал он, отступая, и с отчаяньем вновь изобразил свой фирменный жест.

– Ладно, ладно, – примирительно сказала я, слезая со стола. – Ты всегда знаешь, где меня найти.

Лорд Джервек удалился из библиотеки слегка неверной походкой. Я, посмеиваясь, проводила его взглядом, и вновь вернулась к своим историческим изысканиям.

Хотя, надо признаться, не без труда.

Императрица взяла за правило ежедневно справляться о здоровье сына – и доклад должен был делать не сам Кассио, и даже не его лечащий врач, а лорд Джервек. Уж не знаю, о чём они говорили не менее получаса каждый день за закрытой дверью, но Юджин всегда выходил оттуда с непроницаемым – не тронь меня – лицом. Пару раз в отсутствие мужа приветствовала императрицу я и даже пыталась поддерживать с ней вежливый, бессмысленный для меня разговор о погоде. Не сказать, чтобы меня пытались игнорировать демонстративно, но, если она и испытывала ко мне тёплые чувства, то очень успешно это скрывала.

– Как получилось, что, кроме должности со... координатора, на тебя взвалили ещё и сволочную обязанность следить за здоровьем наследного принца?

Был редкий вечер, который мы проводили вдвоём. Вернее, втроём. А ещё точнее – вчетвером. Мы с Юджином полулежали на нагретом солнцем пригорке, наблюдая, как Кассио дрессирует Бестию. Бестия веселилась вовсю. Мы, глядя на них, тоже. Кассио же был в отчаянье.

Так как Юджин молчал, я повернула голову, заглядывая в его лицо. Оно было замкнутым – вновь проглянул Джервек-«крепкий орешек».

– Императрица сочла... – произнес он медленно, – меня подходящим для этой роли.

Ну разумеется.

– Но ты же не врач! Кстати, что там такое со здоровьем Кассио?

Юджин потянул меня за прядь волос.

– Тебе хорошо с отросшими волосами...

– А, по-моему, и до того было неплохо. Так что с Кассио?

– Тебе не скучно здесь?

Я на мгновение отвлеклась.

– С чего это?

– Ты привыкла к более многочисленному обществу. И к более активной жизни. Ничего, когда всё это закончится, мы сможем поехать в столицу. Я покажу тебе Гранд. Он ничуть не хуже Чандлера, уверяю тебя. Только потерпи ещё немного.

Вообще-то я пока не страдала от скуки. Но, подумав, решила промолчать. Мало ли что сгодится для шантажа в семейной жизни...

– Договорились. Так что там с Кассио? Надеюсь, ничего такого... смертельного?

– Тебя не собьёшь.

– Ни за что! – согласилась я. – Расскажешь сам или придётся взламывать врачебные файлы?

– Вряд ли ты найдёшь там что-либо интересное... даже с твоей квалификацией.

Джервек упорно наматывал на палец прядь моих волос – это занимало всё его внимание и время. Я легонько подтолкнула его плечом.

– Так ты будешь отвечать или нет?

– Кассио пытались отравить, – сказал Юджин, по-прежнему глядя на свой палец. Я дёрнулась и, охнув, схватилась за его руку.

– Пусти! Кто? Дикость какая-то!

Он усмехнулся.

– Кто? Не я.

– Не ты, точно, – на полном серьёзе согласилась я. – Ты тогда был на нашей базе, могу подтвердить.

Муж поднял глаза:

– Думаешь, это потребуется?

– А кто вас, гаятов, знает! Так ты теперь у Кассио вроде личного телохранителя?

– Нет. Кассио отдыхает в моём замке. Я присматриваю за ним, пока всё... не разъяснится.

То есть, пока августейшая мама не даст другую команду. Нянька Юджин... это что-то новое...

Или так было всегда?

Спасаясь от дальнейших расспросов, Юджин поднялся и пошёл к Кассио – помочь удерживать Бестию в сидячем положении. Бестия вертелась и кусала всё, что находится перед её мордой. Через минуту Юджин и взмокший Кассио уже смеялись в голос, а я сидела, обхватив колени, и наблюдала за ними с серьёзным недоумением. Неужели все вокруг слепы?

Мужчины обернулись и помахали мне руками. Я махнула в ответ. Какая разница? Ведь жили же они столько лет до меня. Проживут и дальше.

Я резко села на кровати, уставившись в стену перед собой. Что-то... что-то было не так. Рядом застонал, беспокойно шевельнулся Юджин. Не проснулся. Я поспешно оделась, скользнула к двери, принохиваясь и прислушиваясь. Было тихо. Слабо пахло, не то, чтобы неприятно – непривычно. Я закрыла глаза, просматривая коридор. Пусто, разве что слева, у спальни принца... Охрана? Но этот запах...

Я медленно – миллиметр за миллиметром (до чего же скрипучая!) – приоткрыла дверь, протиснулась в узкую щель и замерла, поводя головой из стороны в сторону. По крайней мере, с час здесь никто не проходил. Скользнула вдоль стены влево. Запах, сладковатый приятный запах, становился всё сильнее. Я пригнулась – по низу тянуло, вея странным

ароматом. Сквозняк... откуда? Я вывернула за угол – в лицо пахнуло тёплой густой волной запаха – лета, яблок, солнца...

У приоткрытых дверей спальни лежали телохранители. Руки-ноги согнуты так, словно солдаты изображали из себя свастику... Оружие на месте. Я уставилась на дверь. Он жив, он дышит, и больше – ни шелеста, ни дыхания, ни...

Но.

Я прыгнула вперед – запах обволакивал меня, как душный кисель, дверь неожиданно оказалась далеко, в конце длинного тоннеля, и таяла, таяла, таяла... Но я все же настигла её, отбивая ладони; влетела в спальню, замедленно кувыркнулась, ударив кулаком по кнопке тревоги. Запах сделался невыносимым, прорезалось в нём что-то гниюще-сладкое – так пахнет опрелая рана. И в этом запахе плыло в густом воздухе нечто бесцветное, прозрачно-белесое, как кисея, тончайший шёлк. Оно парило над кроватью, сгущалось над лежащим навзничь принцем, обволакивало его, как покрывало, как кокон, и, казалось, баюкало, баюкало, усыпляло...

Я не смогла подняться даже на колени – запах заполнил самую последнюю клеточку моего тела, размягчая кости и плавя мышцы, тело таяло, словно горящий воск, и даже когда я поползла к кровати, я оставалась на месте, барахтаясь, как черепашка с разбитым панцирем... где же... где Джервек...

– Джервек... – выдохнула я, глядя на свою вытянутую руку – пальцы скребли и скребли пол, уже не чувствуя боли...

– Повторите ещё раз.

– Она уже всё сказала, – вмешался Джервек. Я сидела на кровати принца, баюкая сломанную руку – солдаты, ворвавшиеся в спальню, не разбирали, что такое там валяется у них под ногами – и переводила взгляд с бледного и мрачного Джервека на не менее мрачного шефа безопасности Бейтца. Кассио, закутанный в одеяла, полулежал на подушках, молчал и отхлебывал из чашки горячее вино. Выглядел он не то что осунувшимся – измождённым, белым, как та дымка над его головой.

– Согласитесь, всё это выглядит более чем подозрительно, – не сдавался Бейтц. – Охранники усыплены, его высочество без сознания, в его спальне – живая и здоровая офицер объединённых войск, рассказывающая совершенно неправдоподобную историю о привидении, которое никто, кроме неё, не видел... Ещё несколько минут – и неизвестно, какая бы участь постигла его высочество!

Я засмеялась:

– А кто, по-вашему, нажал на сигнал тревоги? В чём меня обвиняют – в том, что я организовала это нападение?

– В том, что вы сделали так, что это выглядело, как нападение!

Я свирепо уставилась на него. Ненавижу оправдываться в том, в чём не виновата. С Псами бы в этом не было необходимости.

– Не зарывайтесь, Бейтц, – тихо сказал Юджин. – Вы обвиняете мою жену.

Бейтц с отчаяньем на миг прижал к воспалённым глазам ладони, потом раздражённо махнул руками, словно сдаваясь.

– Но как можно всё это объяснить?

– Ничего объяснять не надо, – подал голос Кассио – едва ли не первый раз после своего насильственного пробуждения. Потянулся поставить чашку – чашка покатилась, упала, но не разбилась, погрузившись в ворс ковра. Мы все посмотрели на неё. Кассио приподнялся на подушках повыше. Повторил:

– Ничего не надо объяснять. Мы и без того знаем, что это был за гость.

Поморщившись, он перевернулся на бок.

– Бейтц, приготовьте приказ на нового хранителя постели.

– И кто же это, ваше высочество?

– Леди Джервек.

Молчание. Баюкая руку, я вопросительно поглядела на ошеломлённого Бейтца, на молчащего Юджина. Хранитель постели... Это ещё что такое? Я должна охранять его кровать? Джервек ответил мне потемневшим взглядом:

– Личный телохранитель его высочества.

Я кивнула. Так. Я – телохранитель. Полный дурдом.

Видно было, что Бейтц с трудом удерживается в рамках почтительности.

– Но... ваше высочество... это просто беспрецедентно... назначить телохранителем недавнего врага...

– Жену своего военачальника, – закончил Кассио, приподняв чёрные брови.

– Наша служба набирает очень надёжных, прошедших множество проверок, опытных охранников...

– Ни один из ваших опытных надёжных людей не смог защитить меня... ни один не пришёл на помощь... ни они... ни... Никто, кроме леди Маргарет.

Недосказанное всё-таки прозвучало, и лицо полковника болезненно дрогнуло.

– Вы согласны, леди Маргарет?

Я прислушалась, глядя на свою распухшую руку: нет, нет, нет, кричал Бейтц; вы нужны мне, я прошу вас, говорил Кассио. Джервек глухо молчал. К чёрту!

Я нервно засмеялась.

– Да бога ради, Кассио!.. ваше высочество! Если это облегчит тебе жизнь. Но давай договоримся – профессиональная охрана у тебя всё-таки будет. А я так... в утешение.

Экран светился, но Джервек не работал: сидел в кресле, заложив руки за голову. Казалось, дремал. Я молча наблюдала за ним – пока Джервек не открыл глаза и не сказал устало:

– Заходите, Мэг.

Я сделала круг возле пульта, с любопытством приглядываясь к кнопкам, тумблерам, экранам – что-то никак не находилось времени с этим разобраться. Присела на стол перед Джервеком.

– Почему не идёшь спать? Ещё четыре часа утра.

– Какой тут сон?

Я демонстративно широко зевнула:

– Ну, не знаю... Война – войной, а обед – обедом.

– Это что, такая пёсья поговорка?

– Это солдатская поговорка. Я ещё много их знаю! Например, утро вечера мудренее.

– И что это значит?

– Это значит, что, сидючи здесь среди ночи, ты ровным счетом ничего не придумашь. Тебе надо отдохнуть.

Джервек закрыл глаза.

– Да. Надо.

Я молча смотрела на него. Синевато-серая подсветка бросала на его лицо нездоровые тени, высвечивая впадины и морщины, которые в дневном свете были не видны. Джервек поднял руку, заслоняясь от моего взгляда. Потёр лоб.

– Я обещал ему... и ей... её величеству... что принц здесь будет в безопасности. Я верил в это. Я сам верил в это.

Я дотянулась до его руки: холодная напряжённая ладонь нехотя откликнулась на мое прикосновение.

– Чем ты расстроен больше – своей ошибкой или тем, что принц упрекнул тебя в этом?

Он высвободил руку и вновь поднёс её к лицу.

– Но это правда.

– Что?

– Что я не бросился к нему на помощь.

– Я просто тебя не разбудила.

Он поморщился.

– Не тогда. Позже. В его спальне.

Я глядела на него во все глаза.

– Не поняла. Что ты сделал не так?

– Вернее – чего не сделал. Вместо того, чтобы сразу броситься к принцу, я задержался возле тебя.

Я хмыкнула.

– Ну да, в порядке очередности! Я ведь валялась первой.

– Это не смешно, – сказал Джервек, но губы у него дрогнули. Я подумала и сползла со стола ему на колени. Джервек вздохнул, повернулся, чтобы я могла сесть поудобнее. Я упёрлась подбородком ему в грудь, рассматривая его. Спросила:

– Ты считаешь это изменой?

– А ты?

– А я бы назвала это любовью...

– И что это за гости, которые усыпляют охранников и принцев?

Я приподнялась на локте, рассматривая лежащего на спине Юджина. Мы так и не уснули – не хотелось. Вернее, хотелось, но совершенно другого.

Джервек молчал, глядя в потолок.

– Или, может, – вкрадчиво продолжила я, – это государственная тайна, и мне, как представителю враждебной стороны...

Пальцы Джервека накрыли мои губы.

– Я просто думал, как лучше объяснить... Чтобы тебе это не показалось страшной сказкой. Просто подошел срок Кассио. Помнишь, я говорил тебе про Веймарский лес?

– Волшебный?

– Обычный. Ты можешь пройти его от края до края – очень красивый, очень густой... обыкновенный лес. Но для императорской семьи он – делатель королей.

– Де-ла-тель?

– Когда наступает срок – у каждого свой – Веймар посылает проводника за претендентом на престол.

Я села.

– И он уходит в лес и проходит инициацию?

Джервек смотрел в потолок.

– Проходит испытания – никто не знает, какие. Об этом никогда никому не рассказывают. А может, и не помнят... Только вернувшийся... меняется.

– А откуда взялся этот обычай?

Джервек повел плечом.

– Он был всегда... Во всяком случае, на Гранде.

– Но кто это проделывает с вами? Человек? Машина? Какое-то... существо? Вы даже не пробовали выяснить?

Джервек казался шокированным.

– Это... святыня. У вас существует такое понятие?

Я, подумав, кивнула.

– Пожалуй. Но мы слишком любопытны, чтобы держаться вдалеке от непонятного.

Джервек перевернулся на живот. Помолчал и сказал нехотя:

– Мы тоже. По крайней мере, мальчишки. В детстве мы облазили весь Веймар.

Я подпрыгнула.

– И?

– И ничего. Ничего необычного мы там не нашли. Я думаю, Делатель... он появляется только когда приходит для этого время.

– Ну да. Как медведь выходит весной из спячки, – я прилегла рядом с Юджином, заглядывая ему в глаза.

– А бывало, что испытуемый не возвращался?

Джервек ждал этого вопроса. Молча кивнул.

– А что, если просто проигнорировать посланника? Решить всё, так сказать, мирским способом?

Джервек разглядывал свои руки.

– Ты не понимаешь. Любой из Эйджелов чувствует... зов. И зов этот с каждым днём делается всё сильнее. Однажды он просто не сможет противиться ему – и уйдет в Веймар.

Я придвинулась ещё, хотя знала, что ему трудно сохранять спокойствие, когда я так близко к нему.

– Юджин... а что бывает, если претендент на трон не один? Что происходит?

Джервек посмотрел на меня. Сказал:

– Давай хоть немного поспим.

Он лег, отвернувшись от меня. Что ж, тоже ответ.

Своего рода.

Хм-м, Веймар...

Я рылась в информационной сети Гранда. Спасибо высокому положению моего мужа – техника в замке была, что называется, на грани фантастики.

Ссылки на Веймар было предостаточно. Самое трудное – убрать наслоения десятилетий и столетий, которые превратили инициацию в поистине сказочное действо. Где-то же должна быть скрывается её рациональная суть.

Священное таинство... пропускаем.

Сегодня принцесса Мария и принцесса Оливия отбыли в Веймарский лес, чтобы... Какая-то Оливия? У Кассио есть ещё и императорская тетушка? Никогда о ней не слышала.

Я шла вглубь веков. Надо же, один раз на инициацию прибыло аж десять претендентов! Похоже, со временем род Эйджелов основательно подсократился... Скоро у Веймара останется только один кандидат.

Время летело незаметно.

Вот! Я торжествующе откинулась в кресле.

Никто и не думал утаивать или зашифровывать информацию, относящуюся к моменту колонизации Гранда. Просто никому из потомков Эйджелов не пришло в голову выяснять истоки этого таинственного обряда – императорская семья воспринимала его как данность.

Я представила физиономию Юджина, когда я всё это на него вывалю. Может, не стоит сразу лишать его всех иллюзий?

– Ну не знаю! – раздражённо говорила я, снимая одну за другой хрустальные пробки с флакончиков духов. – Зачем ты только это затеял, Кассио?.. пф-у-у!..

– Это мои любимые, – виновато сказал принц.

Я чихнула.

– Эти-то я уж точно запомню!

– Что вам потребуется ещё? – спросил Бейтц, делая пометки.

– Я должна знать тех, кто имеет доступ в спальню принца. Девушек тоже. Или юношей.

Бейтц побагровел от возмущения, Кассио сделал большие глаза.

– Доступ в спальню... – пробормотал Бейтц гневно. – Что ещё желает леди?

Я смерила Кассио взглядом.

– Ещё леди желает снять с его высочества одежду.

– Что?! – взвизгнул Бейтц.

Кассио вопросительно взглянул на Джервека.

– Слишком много одежды, – ровно сказал тот. – Миледи хочет запомнить ваш собственный запах. Разденьтесь, ваше высочество.

Меня всегда забавляло трепетное отношение аборигенов к своей наготе. словно снимаемая одежда автоматически лишает всех титулов, званий и заслуг... открывает нечто постыдное – что ты такой, как все...

Я присела перед Кассио на корточки, вынула фильтры. Медленно подымаясь, вдыхала запах его ступней, кожи, гениталий, ароматического масла для массажа, потовых желез, одеколona...

Выпрямившись, мельком глянула в сторону наблюдателей. Бейтц выглядел так, словно его вот-вот стошнит. Джервек смотрел в пол. Пошедший красными пятнами принц нервными резкими движениями надевал халат.

Мы сидели на кровати Кассио – Бестия распласталась рядом, дремала и только помаргивала, когда мы начинали кричать. Кассио учил играть меня в карты, и я уже в третий раз оставалась в "дураках".

– Ну сколько можно! Ты жульничаешь!

– Это оскорбление его императорского величества! – высокомерно заявил Кассио, тасуя колоду. – Я могу засадить тебя в тюрьму.

– Только попробуй... и вообще, ты ещё не император! Дай сюда, я сама раздам.

– Не доверяешь?

– Ни капли! – я подоткнула вечно мешающий подол платья, скрестила ноги и начала раздавать карты. Перехватила быстрый взгляд Кассио.

– Я предпочитаю "мини", – сообщила я. – Или шорты. Или штаны. С этими длинными юбками то и дело нарушаешь правила приличия...

Кассио уставился в свои карты. Сказал вскользь:

– С такими ногами можно...

– Что – можно?

– Нарушать правила приличия, – и покраснел – густо, безудержно. Стараясь не улыбаться, я глядела в свои карты. Будь здесь Псы, я бы познакомила его с парой-тройкой таких девчонок, что он мигом бы позабыл о моих ногах... Так, опять незадача!

Через несколько минут я бросила карты и кровожадно кинулась на Кассио:

– Шулер! Шулер!

Кассио, хохоча, отбивался; вскочившая Бестия, не решаясь вмешаться, возмущенно лаяла басом, я громко вопила... В это-то славное время и вошел Джервек. Остановился на пороге. Запыхавшийся Кассио сел, я отцепилась от него, приглаживая растрепанные волосы.

– Юджин! Целый день тебя не видела!

– Вижу, ты не скучаешь, – суховато объявил мой муж. – У меня сегодня ночные переговоры, так что не жди. Спокойной ночи, ваше высочество, миледи...

Он вышел – почти так же бесшумно, как и вошел. Кассио опустил ноги с кровати и виновато посмотрел на меня.

– Прости, я не... не хотел тебе ничем навредить. В конце концов, у вас ещё медовый месяц...

– В конце концов, – перебила я, – это не твоя вина. И не моя. У Джервека какие-то сложности, и не только с переговорами. Как истинный гаят, он не хочет о них говорить и старается держаться от меня подальше, потому что я всё равно все выпытаю... Ну, пора спать, уже полночь. Пока, Бестия! Охраняй Кассио.

– Я хочу... – императрица помолчала. Я ждала. Редкий случай – она говорила со мной, не требуя немедленно позвать Юджина или Кассио.

– Я хочу знать, как со стороны... с вашей третьей стороны... как выглядит и чувствует себя его высочество?

– Прекрасно, – искренне сказала я. – Он прекрасно проводит здесь время. Думаю, он доволен.

– А... лорд Джервек?

Я насторожилась.

– Что – лорд Джервек?

– Как его здоровье?

– Не жаловался.

– Он никогда... не жалуется.

Как будто когда-то ему была предоставлена такая возможность!

– В этом он похож на своего отца. Его отец был... очень достойным человеком.

Да, и, сцепив зубы, благодарил тебя за всё, что ты сделала с ним. И с его сыном.

– Я бы хотела, чтобы вы...

Склонив голову набок, я с интересом ждала. Что-то многовато сегодня пауз. Обычно речь императрицы напоминает полноводный величественный поток. Сегодня он порядком обмелел.

– ...чтобы вы сообщили мне, если вдруг здоровье лорда ухудшится, или они с Кассио...

Пауза.

– ...если у них с Кассио возникнут какие-нибудь... разногласия.

Пауза.

– В каких вопросах? – вежливо спросила я.

Императрица моргнула.

– Вопросах?

– Разногласия – в чём? В том, что есть на завтрак? В видах на погоду? В чём?

Она еле слышно вздохнула, отводя взгляд глубоких тёмных глаз, так напоминавших мне Кассио.

И мне вдруг стало её жаль.

– Я понимаю вас, – сказала я.

Её красивые губы исказила гримаса отвращения – или ненависти.

– Вы! Что вы можете понимать! Вы даже не женщина... не человек... полусобака... что вы можете понять?!

– Вы любите их обоих, – сказала я. – И никак не можете выбрать одного из своих сыновей.

Её лицо застыло, стало просто маской, белоснежной прекрасной маской... Губы шевельнулись - раз, ещё раз, не вопрос - выдох, но я его услышала.

– Откуда? – я удивилась. – Я всегда могу отличить щенков одного помёта... или, вернее, в вашем случае – детей одной су... э-а-а... матери. Это, конечно, не бросается в глаза, иначе бы весь Гранд давно говорил о двух претендентах на престол.

Она глядела на меня с ужасом.

– Но он... он не имеет права...

– Тут я с вами не согласна, – любезно уведомила я. – Но Юджин считает так же, как вы, и это его дело. Что вас вообще беспокоит – что Кассио пройдет инициацию или что он её не пройдет?

– Он так... слаб, – сказала императрица еле слышно. – Я боюсь. Я думала, если дать ему побольше времени...

Я глядела на неё – и вдруг поняла.

– Это... вы? Вы чуть не отравили его?!

Она смотрела на меня, не мигая. Кивнула – почти незаметно.

– Я не рассчитала. Я хотела, чтобы он был прикован к постели, не смог уйти... туда. Потом я думала, это – кара. Я предала Юджина. И за это должна лишиться сына. Своего второго сына. Это было бы... справедливо.

– Справедливо – что? Ваш младший сын должен был умереть, чтобы выплатить ваши долги перед старшим?

Она молчала, опустив веки. Длинные чёрные ресницы на фоне алебастровой кожи... Злость, долго копившаяся во мне, наконец радостно выплеснулась наружу:

– Не слишком ли много вы на себя берёте?

Ресницы вскинулись. Затрепетали. Я продолжила, прежде чем она опомнилась:

– Всё в мире творится по шевелению вашего пальчика, да? Даже солнце встаёт потому, что вы ему приказываете, не так ли?

– Вы не понимаете, – она качнула головой. – Нет, вы не понимаете... Слишком рано. Всё происходит слишком рано, всё раньше и раньше... Ведь даже я ещё жива. Но не в этом дело. Вы... не понимаете.

Экран погас. Я глядела на него, медленно выдыхая. Она даже не потребовала сегодня никого из сыновей. Она хотела сказать, но не сказала... Что?

Я проснулась от странного ощущения – кто-то звал меня, непонятно, во сне или в яви. Беззвучно, но настойчиво, отчаянно... По мере того, как я просыпалась, зов становился всё тише, тише, пока не угас, не растаял, как сам сон.

Постель рядом была пуста. Это не удивляло – в последнее время Юджин редко посещал нашу спальню, да и то под утро, ложился, как он считал, совершенно бесшумно...

Меня вдруг начало трясти, и я натянула на себя одеяло. Нет, это не холод.

Я беззвучно опустила ноги с кровати. Закрыла глаза – зрение мешало мне слушать. Тихо. Тихо, тихо, так тихо... Не раскрывая глаз, протянула руку, нашаривая одежду. Первое время после свадьбы я честно пыталась надевать все эти кружевные-шёлковые штучки, но скоро поняла, что Юджин и без того моментально заводится при виде меня в обыкновенной солдатской майке... Заводился. Её я сейчас и натянула. Подумав, достала из шкатулки нож – единственное оружие, которое полагалось иметь леди Джервек. Для защиты своей чести, что ли? Или для ритуального самоубийства?

Всё повторялось. Я опять стояла у двери, прислушиваясь и припрюхиваясь, но в этот раз всё было хуже, намного хуже... Насколько хуже, я поняла, когда, уже не скрываясь, вышла в коридор. Охранники лежали на полу на коротком промежутке от нашей спальни до спальни Кассио. Все были убиты голыми руками – у кого свернута шея, у кого проломлен висок. Все они не ожидали нападения, встречая своего убийцу лицом к лицу, лишь у одного был полувыващен из кобуры бластер. Я опустилась на колени рядом с охранником, коснулась пальцами шеи – беспомощный жест извинения живого перед мёртвым. Он умер недавно. Полчаса? Я посмотрела в открытую дверь спальни принца. Полный порядок. Кассио просто проснулся, оделся и ушел.

И ему помогли уйти.

Я втянула воздух, хотя и без того всё было ясно. Запах Кассио, ставший таким привычным, и запах второго – более знакомый, более яркий. Родной.

Я осела на пятки. Зажмурилась и стукнулась лбом о стену – раз, ещё раз, ещё – пока резкая боль не заглушила ту, что рвалась из груди. Хотя все двери ты запири, уйдёт, что уйти должно. Но только бедствием уход сопроводит оно... Я не могла понять. Как я могла понять? Вот, о чём хотела и так не решилась сказать императрица. Он тоже слышал Зов. Он тоже слышал и никому не говорил об этом. А Зов всё усиливался. И когда Зов сделался невыносимым, они просто ушли.

Вдвоём.

Дворецкий Харпер был бледен до синевы. Он даже забыл о правилах приличия и теперь, часто моргая, смотрел, как я одеваюсь.

– Никто, – говорила я, застёгивая ремень и доставая из сейфа свой бластер, – никто не должен знать об этом.

– Но как... – прошелестел Харпер.

– Очнись! У тебя есть преданные люди? Один-два? Те, кто будет молчать? Надо убрать трупы. Запереть спальни. Смыть кровь. Мы – все трое – ночью спешно отбыли. На неизвестный срок. Правду скажете только императрице. Только ей.

– Миледи...

– Я пойду за ними.

– Миледи, вы...

– Я смогу догнать их.

– Миледи, ТАМ это не понадобится.

Он показал на бластер Юджина, который я крутила в руках, не зная, как его приспособить. В конце концов, просто засунула за ремень.

– Вам это не понадобится. Вас даже не пропустят ТУДА.

Я пожала плечами.

– Когда мы вернемся...

– Если вернетесь...

– ...КОГДА мы вернемся, здесь должен быть врач. И куча медикаментов. Даже не знаю, каких. Всяких.

– А для вас?

– Что? – остановилась я.

– Что приготовить для вас, миледи?

– Для меня? – я на секунду задумалась. – Булочки. Со всякими такими вкусными начинками...

Харпер торжественно склонил голову.

– Будет сделано, миледи.

И я вылетела в коридор.

След горел на траве – влажной высокой траве середины лета и середины ночи. Первый, второй, третий... Третий? За ними увязалась Бестия – игривая бестолковая Бестия, воспринявшая этот спешный ночной поход как ещё одну неожиданную увлекательную прогулку. Ну, подружка, помогай... Я вытащила фильтры, жадно вдыхая запах леса... ночи... следа. Это как весенний бег – сумасшедший пьянящий весенний бег, игра-охота на стремительную ускользящую дичь... Уж эту дичь я не упущу. Ни за что.

Я бежала по лесу. Они не воспользовались никаким транспортом, а ведь Веймар отсюда... в сколько тысячах километров? Но всё должно свершиться нынешней ночью. Не знаю, почему я была твердо уверена в этом... словно знала правила игры... словно кто-то сообщил мне об этом – может, сам Юджин, позвавший меня прежде, чем его переломил, перемолол Веймарский Зов. Помнил ли он вообще, как убивал своих людей – или просто устранил досадное препятствие – как мы толкаем застрявшую дверь?

Я бежала по следу. Два шли ровно, целеустремлённо, один петлял из стороны в сторону: Бестия охотилась или просто забавлялась, распугивая лесную мелочь, дурашливо пугаясь внезапно взлетевшей птицы или шевельнувшегося от ветра куста. Давай, сестренка, не уставай, не отставай, ты нам пригодись, поможешь... Мне бы только догнать, взглянуть – и я пойму, что делать.

Я надеялась на это.

Я увидела их примерно через час. Остановилась, согнулась, переводя дыхание. Внизу, у склона холма, деревья не росли, и братья были ярко освещены лунным светом – так ярко, что я различила лицо оглянувшегося Юджина. Он сказал что-то принцу, махнул рукой. Рука тоже светилась – словно разлитая ртуть. Я прищурилась (к сожалению, зрение у Псов совершенно обычное). Неправильно... что-то мне не нравилось в этом освещении... хотя что тут вообще могло нравиться? Станный свет... И странные тени. Тени раздваивались, множились, будто свет исходил не только от луны, но и из другого источника.

Братья стояли неподвижно, чего-то ожидая. Носившаяся огромными прыжками Бестия мало-помалу уgomонилась тоже, села, привалившись боком к ноге Кассио. Я видела, как тот потрепал гончую по голове, и внезапно обрадовалась – хоть что-то от прежнего Кассио.

...Это походило на слабую дымку тумана, которая наступала из леса. Туман медленно струился вверх, свивался в жгуты, образуя зыбко мерцающую линию. Я побрела вниз, отступаясь, спотыкаясь, иногда падая, но стараясь не упускать из виду образующуюся перед братьями арку.

Дверь. Вход.

Зачем добираться до Веймарского леса через полпланеты?

Веймар пришел к ним сам.

Юджин шагнул первым. Шагнул, приостановился, сделал ещё шаг – и растворился в воздухе. Туманная арка стала ярче, четче, точно набрав сил от проглоченного ею человека. Кассио, помедлив, шагнул тоже – он шёл, поднимая голову, разглядывая дугу арки над собой. Рядом, прижавшись к его бедру, словно боясь потеряться, брела Бестия.

Споткнувшись, я покатила вниз по склону. Вскочила, бросилась к двери в Веймар – арка медленно таяла, как тает сахар в горячем чае... Ещё, ещё, подожди! Я полувлетела-полувкатилась под нависшую надо мной дугу...

Сильный пружинистый толчок отбросил меня – будто я врезалась всем телом в батут. Арка вспыхнула прощальным насмешливым огнём. Веймар не собирался принимать меня. Эйджелы – вот, кто был ему единственно нужен. И он их получил.

Стоя на четвереньках, я бессильно смотрела на медленно гаснущий свод...

Но была еще и Бестия.

Преданная, бестолковая Бестия. Собака.

Я выдохнула, медленно и тщательно, словно изгоняя из себя мысли, опасения, надежды. Свою человеческую суть. Я – пёс. Я пёс. Собака. Преданная, любопытная собака, больше всего на свете боящаяся потерять своего хозяина. Хозяин – единственное, что мне нужно. Я иду по его следу. Я найду его... я – собака. Чуткая, быстрая, сильная собака.

Я...

Собака.

Запахи обрушились на меня – запахи, много запахов... и шорохи, шорохи, интересные шорохи со всех сторон. Совсем рядом – добыча. Я могу достать её одним прыжком, воткнуть клыки в сладкое горло... рот заполнился слюной... но – хозяин уходит, уходит... он уйдёт, и я останусь одна... страшно... я ищу... я найду его... я устремилась вперед, удивляясь, что бегу так медленно... ну да, у меня же всего две лапы... но я всё равно не отстану, след... след... след...

Я очнулась, когда разбила себе ладони, в очередной раз пытаюсь преодолеть препятствие прыжком, для которого требуется вдвое больше конечностей. Не вставая с колен, огляделась.

Я была в Веймаре.

...Уши оборву Юджину за то, что он назвал Веймарский лес самым обычным! Именно в таком лесу рождаются сказки. Страшные сказки. Их просто нашёптывают древние, поросшие мхом камни, выпирающие из земли, как корявые сточенные зубы; растущая выше плеч нехоженная трава; гигантские – не обхватишь троём – стволы деревьев; кроны, тающие в звёздном небе; лунные ковры на редких полянах... В этом лесу хотелось идти на цыпочках, не дыша, чтобы не разбудить... Кого?

Кто бы это ни был, он уже проснулся. Ждал. Я скользила среди деревьев, лавировала между камней, которые попадались на пути всё чаще и становились всё выше. Ощущение Присутствия усиливалось – не Эйджелов, нет, и не какой-то неведомой живой твари, которая могла зародиться в этом странном лесу... или не могла? Но здесь была Жизнь. Жизнь, такая же странная, как сам лес. Жизнь, наполнявшая его. Или ставшая им.

Я обогнула ещё один менгир и остановилась, балансируя на острие камня. Все трое были здесь, метрах в десяти от меня. Братья стояли чуть поодаль друг от друга, спиной ко мне. Я прислонилась к камню и съехала по нему вниз, усевшись у подножия. Кто бы ни контролировал вход в Веймар, сейчас он меня не заметил. Как не замечали меня Эйджелы. Как не замечала даже Бестия.

Значит, у меня было время.

Несколько столетий назад на Гранд прибыли колонисты, возглавляемые энергичным, предприимчивым и многочисленным кланом Эйджелов. Учёные изыскали способ закрепить власть за семьёй и в то же время избежать кровной междоусобицы. Была изобретена машина, испытывающая очередного кандидата – на способности, здоровье, лидерские и прочие необходимые качества – и на чистоту генов. Генный код рода Эйджелов, настрой на психическую волну, который впоследствии был назван Зовом, многочисленный список испытаний и требований позволяли отсеивать нежелательных кандидатов. Со временем своеобразный экзамен на право владения Грандом превратился в священный обряд, которому никто не смел и не мог противиться, а решение Веймара – оспорить. Новые и новые инженеры и техники, ставшие к тому времени жрецами Веймара, вносили всё новые усовершенствования в программу: создатели давно уже лежали в могиле, а великий экзаменатор всё больше набирал сил и контроля над разумом и психикой Эйджелов...

И выходил на сцену теперь не только при нажатии соответствующей кнопки, но и по своему собственному желанию.

...Братья были почти неподвижны – лишь иногда по телам проходила еле уловимая дрожь, как от невидимого прикосновения; да ещё двигались руки, будто Эйджелы выбирали что-то или нажимали какие-то кнопки. Иллюзия была для них действительностью, а для меня, и, возможно, для Бестии – лишь окружавшей их слабой дымкой, чуть меняющей свет и цвет.

Но вот оба слегка расслабились: похоже, ещё одно испытание позади. Я не видела их лиц и не ощущала эмоций – исчезла всепоглощающая тяга и значимость ухода в Веймар – осталось только ожидание. Ожидание – выбора? Решения?

Или схватки...

Почему – схватки?

И я поняла – почему. С каждым поколением претендентов на престол становилось всё меньше. И не потому что некогда многочисленный клан Эйджелов медленно угасал. Просто Веймар выбирал одного кандидата.

И возвращался из Веймара только один.

Было ли это условием, внесённым каким-нибудь безумным инженером, или сам Великий Экзаменатор добавлял в программу всё новые усовершенствования, как в поднадоевшее блюдо – остроты – но факт оставался фактом.

Из Веймара возвращается один. Как однажды вернулась Мария, оставившая в лесу свою сестру-двойняшку...

Братья смотрели друг на друга. Просто смотрели. И не просто.

Я осторожно двинулась по кругу – в час по чайной ложке. Но Великий Веймар был слишком занят, чтобы контролировать кого-то ещё. Я двигалась, как ночной охотник, больше полагаясь на чутьё, чем на логику и зрение. Веймар прячется, Веймар не любит показываться и красоваться, это для него не главное. Главное – испытание. Но должны же быть у него органы зрения, слуха, чтобы фиксировать происходящее: детекторы, камеры, датчики... должен же Веймар как-то себя выдать, ведь он чувствует себя в безопасности. Я приостановилась. Чувствует?.. Я закрыла глаза и перестала слушать, и почти перестала дышать. Я – воздух. Я – линза, улавливающая энергии эмоций и ощущений...

Вздрыгнула, ощутив разгоравшуюся ярость – раздуваемый ветром костер, а там, в глубине, под пеплом – недоумение, растерянность, слабое сопротивление, тихий ужас... А вот и сам ветер, накрывающий их, подталкивающий друг к другу, всеобъемлющее принуждение... сильнее привязанности, сильнее всякого долга... сильнее любого из нас... но кто-то из нас... из них держался, всё ещё держался.

Я повернулась всем телом, точно стрелка компаса. Вот. Отсюда идёт приказ... этот холод, сковывающий волю и мысли. Под приказом – азарт, удовольствие, ожидание... Да ему скучно, ему просто скучно... бедный-бедный Веймар, я могла бы пожалеть тебя, не будь один из них моим мужем, а другой – Кассио...

У него получилось. Почти получилось. Почти. Потому что в последнее мгновение перед схваткой Бестия, услышавшая мой приказ, прыгнула между братьями. Я видела её сквозь сомкнутые веки – белый сгусток недоумения, испуга и обиды... Пытались обидеть её хозяина! Короткий взвизг – и Бестии не стало. Веймар просто прихлопнул её, как мы убиваем надоедливую муху.

И в это время я нашла его. Руки поднялись медленно, плавно, словно ведомые аккуратным и внимательным кукловодом, рыскнули зажатым между ними бластером, с точностью хирурга нашли нужную точку.

В последнее мгновение он почувствовал меня – впервые заметил, оценил – и изумился. Эта почти человеческая реакция спасла нас всех. Но не его. Хлопок – меня мягко толкнуло в грудь...

Почва перестала покачиваться подо мной, хотя продолжала мелко вибрировать. Пора убираться отсюда, кто знает, какие там у Веймара источники энергии... хорошо бы не древние ядерные... Я попыталась встать – получилось только перекатиться на бок. Потом на живот. Потом я отжалась на трясущихся руках и поднялась на четвереньки. Тряхнула головой, чтобы убрать упавшие на лицо волосы... отросли, вырву всё, на хрен, с корнем... Кассио стоял передо мной на коленях, протягивая руку – изумительно белую на фоне чёрной земли.

– Идём, – говорил он монотонно, и уже, наверно, давно, – идём... помоги... Юджин... помоги...

Я зарычала на него, и он посторонился, чтобы я могла пробраться мимо. Дотащилась до лежащего на боку Юджина – судя по тому, что всё его лицо было чёрным, Кассио удалось перевернуть его. И только. Я пыталась нащупать пульс на шее, пальцы соскальзывали и соскальзывали, пока я не поняла, почему – из уха тоненькой непрерывной струйкой текла кровь – на шею, на грудь...

– Он ничего не... говорит, – пожаловался Кассио у меня над ухом, и я засмеялась, давась чёрной пылью:

– Он и не дышит! Юджин, подонок...

Совсем рядом – огромные, ставшие чёрными глаза Кассио.

– ...умер?

Не отпуская Юджина, я показала пальцем на пояс.

– Передатчик. На все частоты «сос». Быстро.

Закрыла глаза, прижимаясь к Юджину. Пыталась согреть его или себя. Юджин. Подонок. Ты не бросишь. Ты не оставишь меня. Не сейчас.

Никогда.

– Говорят, тебя от меня оттаскивали.

– Это точно, – поддакнула я. – Думаешь, почему ты весь перебинтован? Следы моих когтей. Вцепилась в тебя, как в родного.

– А Кассио говорит, ты беспрерывно ругала меня самыми чёрными словами... Это произвело на него такое впечатление, что он сказал – если захочешь меня когда-нибудь бросить, он – к твоим услугам.

Я вытянулась поверх покрывала, устраиваясь поудобнее. Прищёлкнула языком.

– Надо сообщить, что у него есть все шансы... Это была песня! Жаль, ты не слышал. Получил на полную катушку – ты ведь пытался оставить меня молодой вдовой!

Юджин, поморщившись, дотронулся до груди.

– Вот не думал, что у меня слабое сердце.

– А я всегда знала, – жизнерадостно сообщила я. – Иначе с чего бы ты взял в жены Бойцового Пса?

Юджин улыбнулся – едва ли не впервые после Веймара – и я готова была заскулить от радости, как осчастливленный щенок.

– Просто не смог устоять перед твоими орденами – у меня же таких нет и взять негде.

– Так вот чему я обязана твоим вниманием! Ты нумизмат? А если бы у меня не было орденов?

Он потянулся ко мне, умудрившись при этом почти не поморщиться.

– Всё равно не устоял бы. Ты такая красивая!

Я вдруг увидела себя его глазами. Что ж, если он видит меня такой – я не возражаю.

– Я... – Юджин смотрел в потолок, – я понимаю, что уделял тебе... но я всегда... всегда...

Я засмеялась.

– Кайся-кайся, мой дорогой, я всё записываю, а когда ты чуть-чуть поправишься – всё наверстаю!

Его пальцы сжали мою руку, но Юджин по-прежнему смотрел в потолок. Сейчас он спросит...

– Как Веймар?

– Технари разбирают всё по винтику и плате. Думаю, многое удастся восстановить. Ты жалеешь?

Он повернул голову и посмотрел на меня. Помолчал.

– Не знаю. То, что нас заставляли сделать... но – это по-прежнему святыня нашего рода. Пусть они будут бережны.

– Не волнуйся, твой Бейтц за всем проследит. А как вы теперь без Веймара?

– Рано или поздно... традиции ломаются. Видимо, вернёмся к старой доброй монархии с наследованием, заговорами, покушениями и прочими удовольствиями. Вот это будет по-человечески, да? Да и Эйджелов почти не осталось.

Да уж. Веймар неплохо проредил вас. Знал ли Юджин, что однажды в Веймар ушли две принцессы, а вернулась только одна? Я промолчала.

– Где... они? – спросил Юджин через паузу. Я поняла. Недаром первый вопрос, который он задал, когда очнулся, был: «Я – убил?». Нет, ответила я, подразумевая Кассио. Да, сказала я, подразумевая охранников.

– Двоих похоронили на вашем фамильном кладбище, двоих по просьбе семей отвезли на родину.

– Я... не...

Я положила ладонь на его губы.

– Я знаю. Но ты скажешь это сам – когда сможешь стоять на ногах. Ты придёшь и скажешь это им и их родным.

Но легче от этого никому не станет. Ни им. Ни тебе.

Ни мне.

– И когда ты узнал, что ты... это ты?

– В пятнадцать. Меня представляли ко двору. Отец так волновался... без конца наставлял меня – как говорить, что говорить, когда молчать... Совсем меня запугал. Когда герольд назвал наши имена, подтолкнул меня к императрице. Я ещё подумал – чего он так боится? Я его не опозорю. И она... Она просто сидела, смотрела на меня и молчала. У неё были такие странные глаза – красивые, но странные... словно она хотела меня съесть глазами. Потом она протянула руку, чтобы я поцеловал – великая честь. И провела ладонью по моей щеке. Отец выглядел таким растерянным и довольным одновременно.

Потом она удостоила меня аудиенции – для того, чтобы проверить мои успехи в постижении науки и военного ремесла. К тому времени я уже учился в Военной Академии. Я отнёс это к уважению императорского дома к роду Джервеков. Я просто отвечал и смотрел на отца и на... Кто плохо его знал, тот не понял бы, что он не в себе. Я видел, но причины не знал.

Уже перед отъездом из столицы они сказали мне. Помню эту комнату – всё красное.

– И что?

– Я был... оглушен. А они деловито решали мою судьбу: Академия, военное министерство, дипломатический корпус... И почаще появляться при дворе. Мне нужно так много изучить и понять. Ей сказали, что детей у неё не будет. Думаю, именно тогда она и ввела мой генный код в банк Веймара.

– А что...

– Думаю, во всем виноват Карнавал – и их молодость. Они провели вместе две недели. Она не захотела избавляться от ребёнка... меня. Рожала в горном владении Эйджелов. О браке не могло быть и речи, оба понимали это. Через месяц меня передали отцу – с условием, что и духу его не будет в столице. По крайней мере, пока не будет заключен

монархический брак. Отец выдержал это условие – она призвала нас сама.

– А через несколько лет родился Кассио...

– Я немедленно покинул Гранд. Дипломатическо-военная миссия... почти пятнадцать лет... редкие наезды. Потом война.

– А кто сказал Кассио?

– Он сам... очень понятливый мальчик. Она пыталась... м-м-м... сдружить нас. Сделать меня кем-то вроде старшего наставника, – он криво усмехнулся. – Рискованная штука, не находишь? Но она никогда не боялась рисковать.

– И что Кассио?

– Был... рад. Сказал, что и так относится ко мне, как к старшему брату.

– А ты?

– Это... сложное чувство, – он посмотрел на меня почти виновато. – Не могу сформулировать. Я еще не настолько... э-э-э...

– ...особачился, – подсказала я, посмеиваясь. – Но ты определённо делаешь успехи. Ты говорил об этом с кем-нибудь, кроме меня?

– С отцом. Он был... расстроен, но принял всё, как должное. Сказал, мой долг – помочь будущему императору Гранда.

– И ты так и сделал.

Он посмотрел на меня почти сердито:

– А как бы ты поступила?

Я подумала.

– Не знаю. Я девушка простая. Для начала закатила бы жуткий скандал. Перебила бы всю посуду во дворце и сказала бы всё, что я о них думаю.

– Например?

– Например, что не стоит обращаться с детьми, как с куклами: надоело – выкинул, захотелось – наряжаю и играю... Но мне, конечно, не понять ваших высоких политических игр и государственных приоритетов. Не доросла со своим пёсым умом, уж извини.

Юджин уткнулся лицом в мои волосы.

– Ты и так всё понимаешь. И всего добиваешься. Слышал, она... императрица беседует с тобой каждое утро.

Я скорчила гримасу.

– Моя сиятельная свекровь интересуется теперь уже здоровьем лорда Джервека. Сегодня она предложила, нет, сообщила, что пришлёт мне своего портного. Думает, я явлюсь в столицу на день рождения Кассио в пёсёй форме... А, кстати, это идея!

Юджин вздохнул. Я продолжала, глядя в потолок:

– В конце концов, я ведь присягала Объединённым Силам... И в то же время я – твоя жена, жена подданного императора. Символично, как считаешь?

Юджин еще раз вздохнул.

– Мне бы хотелось совсем другого...

– Чего?

– Чтобы ты была в платье, как подобает леди Джервек, и уже немного... беременна.

– Бере... Я? – я ошарашено замолчала.

Юджин, не дождавшись продолжения, приподнялся на локте, заглядывая мне в лицо.

– Надеюсь, ты ничего не имеешь против детей? – спросил с тревогой.

– Я знаю, мы не обсуждали это, но...

Я резко села.

– Беременна... Надо подумать. Надо подумать, – бормотала я, нашаривая ногами туфли. – Беременная, одна, здесь, на Гранде... С ума сойти!

Джервек следил за мной пристально и настороженно.

– Маргарет!

– А?

– Дело... во мне?

– Нет, совсем нет! Во мне.

– Мне казалось... – медленно начал он, и, оборвав себя, откинулся на подушки. – Впрочем, да. Извини.

Не слушая, я вылетела в коридор и остановилась, переводя дух. Мой ребенок. Мой и Юджина... но мой ребенок – здесь?

Юджин уже начал вставать, когда неожиданно-негаданно нагрязнул Мастер.

– Ты едешь с нами? – спросил Мастер.

Я оживленно объяснила молчаливо наблюдавшему за нашей бурной встречей Джервеку:

– Псы снимаются с места. Сначала – в отпуск на Чандлер, потом кто куда... Ох, как я соскучилась по Чандлеру! Когда вы едете?

– Через декаду. Щенки по тебе соскучились. И я тоже. Ты едешь?

– А вам не кажется, Мастер, – произнёс Джервек голосом, которого я никогда у него не слышала, – что это должны решать МЫ с моей женой? А не вы... и не ваши сородичи.

– Мэгги, но не ты, – сказал Мастер. – Все мы знаем, как и при каких обстоятельствах она вышла за тебя замуж. Будешь применять те же методы, чтобы её удержать?

Мастер бил наверняка. Джервек вздохнул – лицо осунулось от усилия – и сказал тем же незнакомым голосом.

– Мэг – моя жена. Этот факт никто не может оспорить.

Мастер положил голову на руки.

– Псы признают союзы, заключённые лишь по доброй воле. Или несколько месяцев на Гранде сделали её гаятом по твоему образу и

подобию? Или ты считаешь, она теперь готова стрелять в своих сородичей?

Я стояла, заложив руки за спину, и поворачивая голову, следила за разговором. Они говорили так, будто меня здесь нет. Они даже друг на друга не смотрели – но воздух между ними кипел и плавился. Глаза Мастера горели. Джервек на мгновение встретился со мной взглядом и вновь устался в пространство перед собой.

А я замерла.

Опять. Опять я не почувствовала, что происходит рядом... с ним. Боль. Ревность. И кошмарная неуверенность – во мне. В себе. В том, что он мне нужен.

Я заставила обоих мужчин взглянуть на себя.

– Не вздумайте, – сказала я негромко. – Никогда не заставляйте меня выбирать между вами.

– Итак, твоё окончательное решение...

– Ты знаешь, Мастер.

– Сергей.

– Что?

– Сергей. Меня зовут Сергей. Я тебе больше не Мастер. А ты не инструктор. Я просто Пёс. Мужчина. Я ждал тебя. Женщину.

Его глаза блестели в темноте. Даже сейчас он был для меня почти так же притягателен... почти... и в этом все дело. В одном коротком слове с огромным и ёмким для меня смыслом.

Его губы дрогнули – не улыбка – болезненный оскал.

– Я слишком долго ждал. Да, Мэгги?

Я молчала. Замолчал и он – но сумел сказать мне всё, о чём думал и мечтал, чего хотел и на что надеялся. О том, что он будет ждать и если когда-нибудь...

Мастер отступил. Оглянулся на посадочную площадку. Молча повернулся и пошел к флайеру – размеренно и неторопливо.

Я сжала горло рукой, чтобы сердце не разорвалось на две половины. Прости. Я устроена странно. Я не могу жить без него и задыхаюсь от расставания с тобой...

Я проскользнула в дверь. Джервек смотрел в открытое окно, сцепив за спиной руки. В ночной темноте разноцветным драконом взлетал флайер. Я стояла неподвижно, лаская взглядом знакомые линии его крепкого напряжённого тела.

Джервек смотрел вслед тающему следу флайера, пока тот не превратился в звезду, неразличимую в ночи среди тысяч других. Опустил голову, словно прислушиваясь. И резко обернулся.

– Ты?!

Вот чёрт. Он уже проводил меня.

Не спуская с меня глаз, Юджин сделал шаг, другой, и с почти осязаемым усилием остановился.

– Ты... ты вернулась.

– Вообще-то я никуда и не уходила. Что-то имеешь против?

– Н-но... почему?

– Почему вернулась? – я демонстративно передёрнула плечами. – Да просто холодно стоять там, на улице. Осень наступает. Может, растопим камин?

Краем глаза следя за ним, подошла к камину и начала сосредоточенно выбирать подходящую дровину.

– Я говорила, что обожаю огонь? Самое противное на этих космобазах – нет солнца, ветра и огня... А здесь...

Ладонь, коснувшаяся моего плеча, заставила меня замолчать. Я взглянула на него снизу. Лицо Джервека, подсвеченное неохотно разгоравшимся огнём, непрерывно менялось.

– Почему ты осталась, Маргарет?

Я потерла руки о колени. Сказала задумчиво:

– Я вспомнила, что кое-кто обещал восполнить все ночи, которые мы провели не вместе... Заманчивое предложение, просто не могла устоять.

– Мэг!

Я хмыкнула и прижалась щекой к его руке на моём плече.

– Я просто забываю, что людям всегда нужны слова. Вернулась, потому что люблю вас, лорд-полковник Юджин Джервек. И если ты не начнёшь сейчас же выполнять свои обещания, я тебя просто пристрелю!

Юджин выдохнул – очень длинно, словно давно сдерживал дыхание. Присел рядом со мной и протянул руку к корзине с дровами.

– Как скажете, мастер-инструктор Бойцовых Псов! Только давай сначала разожжём этот камин. У тебя ни черта не выходит.

Позже. Много позже. И ещё позднее...

Я сонно помаргивала в ответ подмигивающим мне в окошко звёздам. Проворчала:

– Вот не думала, что ты собираешься наверстать упущенное в одну ночь... Юджин?

– М-м-м?

– Я хочу тебя попросить...

– Ещё? – оживился мой муж.

– Ага. И это тоже. Выполнишь моё желание?

– Что угодно, – убеждённо отозвался он.

– Ты тогда говорил про ребёнка.

– Но если ты не хочешь...

– Хочу!

– Тогда почему...

– Я просто запаниковала.

- Ты?! Не поверю!
- Но у вас же на всей планете нет ни одного Пса!
- Нет. А... и что?
- Потом, когда у нас должен будет родиться ребёнок... Мы выпишем с Чандлера пёсью пару со щенками? Не хочу, чтобы наши дети росли как беспризорники.

Тираж 50 экз.